ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления Союза писателей СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 38-й | № 139 (4062) | ЧЕТВЕРГ, 24 НОЯБРЯ 1966 г. | ЦЕНА 4 коп.

МОСКВА. 1941-и НЕЗАБЫВАЕМЫЙ

Памятные осенние дни 1941-го...

Враг у стен столицы. Но уже надвигался час, когда Советское Информбюро сообщит о разгроме фашистских войск под Москвой.

На снимках, которые мы публикуем сегодня, запечатлена та незабываемая московская осень.

Фото М. Грачева, А. Устинова, А. Шайхета и Центрального Государственного архива кино-фото-фонодокументов СССР

...Утренняя сводка Совинформбюро.

Резервы идут на фронт.

ЛГ интервью — Аму-Дарья — река дружбы

Как уже сообщала «Литературная газета», 12 ноября в Ташкенте открылась Декада туркменской литературы и искусства в Узбекистане. Специальным «поездом дружбы» сюда прибыло более трехсот человек — писатели, мастера искусств.

Участники декады побывали во многих городах и селах Узбекистана, встречались с деятелями искусств, литераторами и трудящимися братской республики.

21 ноября в Государственном академическом Большом театре Узбекской ССР имени Алишера Навои состоялось торжественное закрытие декады.

Наш корреспондент А. Холодков попросил Берды Мурадовича Кербабаева, возглавлявшего группу туркменских литераторов, поделиться своими впечатлениями о празднике. Вот что он рассказал:

— Встреча с друзьями — всегда праздник, наше же пребывание на гостеприимной узбекской земле стало радостью вдвойне. От всего сердца, с гордостью за своих соседей поздравили мы, участники декады, узбекских земледельцев с выдающимся успехом — сдачей государству четырех миллионов тонн хлопка.

Праздничность, приподнятость не оставали ни на минуту. Тон был задан с самого начала — с открытия декады, когда от Дворца искусств через площадь двинулась нарядная маваллиада во главе с Махтумкули (народный артист СССР Аман Кульмамедов), а навстречу группе, на ступени театра оперы и балета вышел Алишер Навои (народный артист СССР Алим Ходжаев). Поэт сказал: «Добро пожаловать в наш большой дом!» И закружились в вихревом танце джигиты в высоких тельпеках, замелькали разноцветной каруселью платья узбекских тюбетейек...

С восхищением смотрели мы потом на новые корпуса милых массивов узбекской столицы — Ташкента, Чирчика, Янгиюля, Бекабада, Фергане, Чиназара, бывшей Кировабада. Знаменательно, что их возводят посланцы многих народов нашей страны — русские, украинцы, азербайджанцы, киргизы, таджики. Это настоящая братская помощь, помощь другу, попавшему в беду.

Никогда не забуду встречу с горняками Ангрена. Горячо, проникновенно говорили о дружбе народов мастер шахты № 9 Д. Мухамедов, учительница Е. Огай. И я думал: «Народы Советского Союза — это братья, а мы, туркмены и узбеки, — братья-близнецы. У нас много общего и в прошлом, и в настоящем. Но, пожалуй, больше — в настоящем. Аму-Дарья была и навсегда останется рекой дружбы».

В солнечной Ферганской долине нам преподнесли хлеб-соль — знак высшего доверия. С трепетом въезжали мы в Коканд — город, освященный именами Фурката, Хамзы, Мунини. Мы посетили могилу Мунини, возложили на нее венок. В дар Литературному музею имени Гафура Гуляма мы передали наш скромный подарок — бюст Махтумкули.

Дальнейший наш путь — в Маргилан, древнюю столицу узбекского шелка. И снова встречи, встречи...

Всюду, где бы мы ни были, нас принимали, как самых дорогих гостей, более того, как братьев. И нам было приятно видеть, что книги туркменских литераторов, таких, как Векн Сайтанов, Хыдыр Дерлев, Керим Курбан-неписов, Кара Сейтлаев, Анна Кочусов, Ата Атаджанов, и многих, многих других любят и знают в Узбекистане. А что может быть дороже чуткого внимания и искреннего уважения...

До новых встреч, дорогие братья!

ПОСВЯЩАЕТСЯ МОЛОДЫМ ПИСАТЕЛЯМ

ВЧЕРА в Центральном Доме литераторов закончился продолжавшийся два дня объединенный пленум правлений Союза писателей РСФСР и московской писательской организации. В повестке дня пленума был вопрос о работе с молодыми писателями.

Во вступительной речи секретарь правления Союза писателей РСФСР, первый секретарь правления Московского отделения Сергей Михалков отметил, что пленум проходит в дни подготовки к IV Всесоюзному съезду писателей. Он подчеркнул важность неустанного внимания к молодому пополнению литературы, воспитания его в лучших традициях, утвердившихся в нашем искусстве за 50 лет Советской власти.

С обстоятельным докладом на пленуме выступила секретарь правления Союза писателей РСФСР Людмила Татьяничева. В прениях приняли участие многие писатели Москвы, Ленинграда, других городов Российской Федерации, представители общественных организаций, работники издательств.

Я рада, что на пленуме нашем развернулся серьезный и очень обстоятельный разговор о насущных проблемах воспитания литературной смены. Рада, что с такой кровной заинтересованностью здесь выступали заслуженные писатели; что молодые участники пленума не только выдвигали претензии (вполне законные!) и Союзу писателей, издательствам и редакциям, но и говорили о себе, о творчестве своих сверстников с высокой взыскательностью...

Хочу надеяться, что небольшая подборка стихов молодых участников пленума, предлагаемая сегодня читателям «Литературной газеты», не будет только очередным «откликом на важное событие», — пусть она будет частицей нашей большой и постоянной заботы о юных талантах.

Л. ТАТЬЯНИЧЕВА

Юрий СКОП

Зимовье

Кому сродно таежное одиночество?
Кто строил их на гулких берегах?
Всю ночь жужжит,
жужжит у изголовья
Шершавая, бессонная тайга.
Плацкартный лиственничный
одинаково в древность
Отходят нары
в сумрачную грусть.
Когда же здесь и кто же здесь
соединяет,
Закончив исчерпанную игру?
Созвездья вздают в глазницу
дымоходу,
Стареет за стеной смоляная
слепь.

Приходят годы, я уходят годы,
То шумные, как неделя грозы,
То тихие — дворами-воробами,
То свойские — полуденной
кладью.
Зимовье, как и писано
до востребования,
Умеют ждать и умеют ждать.

ИРКУТСК

□

Борис ПРИМЕРОВ

Виталию Закруткину

Густая гармошка
садового месяца,
сыграй на ветке,
и рассвету пришлю, —
незримое зримо
проходит в святости
в русалочьих душах
деревьев и трав.
Незримое зримей
и ярче, чем сводки
ручной, неприглаженной,
тадей вари, —
от этого ночки
теплом переполнялись
и с ахальным лопаются,
хан пузыри.
В молве тишины
предрассветные окна,
находившись сонно,
смотрятся там,
как будто пытаются
что-нибудь вспомнить
и что-нибудь вспомнить
не могут никак.
Но я человек,
и мне стыдно не помнить
и неба бутон,
и лесную молву,
и дышащий свежестью
облачный опыт,
который засасывал
ядерный в листву.
Но я человек,
я мне тоже утеки,
и мне стоять
вовсе песни своей...
Россия вынесет
весеннее эхо,
крылатое эхо
моих лебедей.

РОСТОВ-на-ДОНУ

□

Иван САВЕЛЬЕВ

Мышиная щемящая пора.
Две лошади, да сто телег
полхова.
Как табуны, проходят трактора
По бездорожью, принимая росы.
Я, как и вы, за обновленье быта.
Я — за косилки вместо косарей...
Но снится травам легкие копыта
И жаркое дыхание ноздрей.

МОСКВА

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

В ИНСТИТУТЕ мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР по инициативе Научного совета «Закономерности развития мировой литературы в современную эпоху» и Союза писателей СССР 22 ноября открылась конференция на тему «Актуальные проблемы социалистического реализма». Ее участники прибыли с Украины, из Белоруссии, Азербайджана и Молдавии, Грузии и Узбекистана, Эстонии и Латвии, Армении и Литвы... Присутствуют гости из ГДР, Польши, Югославии.

После вступительного слова В. Щербины на первом заседании с докладами выступили Л. Новиченко, А. Мясников, Я. Эльсберг, В. Перцов, К. Зелинский, М. Пархоменко, Г. Ломидзе, А. Овчаренко, З. Кедрина, Н. Гей, В. Пискунов, И. Бернштейн, Н. Балашов, Т. Балашова.

Открыли прения С. Тураев, Ю. Борев, Г. Поспелов, Л. Якименко, И. Брагинский, Д. Затонский, А. Дымшиц.

Сегодня конференция, материалы которой намечено издать отдельным томом, завершает работу.

СНОВА МУЗЫ В КРАСНОЙ ПАХРЕ...

Комсомол в литературе, художественное воплощение гражданских тем, создание героических образов современников — эти проблемы стоят в центре внимания молодых литераторов Москвы, собравшихся 23 ноября в Красной Пахре. Этот семинар молодых поэтов, прозаиков, драматургов столицы организован городским комитетом ВЛКСМ и издательством «Молодая гвардия».

Участники встречи — более ста представителей творческой молодежи и писательской организации Москвы в течение пяти дней проведут дискуссии на пленарных заседаниях и секциях, которыми руководят С. Наровчатов, Е. Винокуров, С. Антонов и другие писатели. Подобные встречи в Красной Пахре стали за последние годы доброй традицией комсомола

ХУДОЖНИК, ЖИЗНЬ, ОБЩЕСТВО

ЗАМЕТКИ С ПЯТОГО СЪЕЗДА УКРАИНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ПИСАТЕЛИ Украины собрались на свой съезд в дни, когда на календарях уже появилась знаменательная надпись: «Пятидесятый год Великой Октябрьской социалистической революции». Страна наша шагнула в юбилейный год своей истории, а вместе со всей страной — советские литераторы, чьи задачи, интересы и стремления неотделимы от жизни народа, чей творческий труд неотделим от труда всего общества.

Очень часто на писательском съезде упоминалось слово **семилетка**, чисто советское слово, которое, как и «пятилетка», привычно ассоциируется с замечательными социально-экономическими завоеваниями нашего строя. Для писателей это слово приобрело особый смысл, ибо семь лет отделяют предыдущий съезд от нынешнего, а следовательно, появилась своя «писательская семилетка», — о ней и был разговор на съезде: что сделано литераторами Советской Украины за этот срок? Что написано, как написано?..

Литература, как известно, не очень дружит со статистикой, но коль скоро речь зашла о «писательской семилетке», как же не назвать хотя бы несколько цифр. Вот некоторые, говоря словами статистиков, цифровые показатели, которые любезно предложил нашему вниманию главный библиограф Центральной научной библиотеки Академии наук УССР. В межсъездовский период издано 2 592 книги 748 украинских авторов. В переводах на языки народов СССР за это время вышло около 900 книг, принадлежащих перу 254 украинских писателей. На иностранных языках вышло 386 книг 155 украинских прозаиков, поэтов и драматургов. За цифрами легко представить себе бесконечные стеллажи с книгами, составляющими художественную летопись жизни украинского народа. За ними можно увидеть большой коллектив людей, объединенных в творческий союз.

В полтора раза за время между съездами выросла писательская организация на Украине, она насчитывает сегодня более семисот человек. Нынешний приток свежих литературных сил знаменует собой появление талантливой и многообещающей молодежи, которая призвана продолжить дело, начатое замечательными мастерами украинской советской литературы еще в первые годы революции. Это особенно остро почувствовали участники съезда, когда старейшина украинской поэзии **Павло Тычина**, вглядываясь в зал, радостно воскликнул:

— Сколько здесь новых лиц! Это наша смена, это наша надежда, наше будущее!..

В своих заметках мы попытаемся передать атмосферу и смысл творческого разговора украинских мастеров слова и — вынужденно бегло — остановиться на основных проблемах, которые были в центре внимания делегатов.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ художника, связь литературы с жизнью, патриотическая гордость достижениями нашей великой страны, которая идет к своему славному 50-летию, — вот что прежде всего определило атмосферу съезда.

Нужно было видеть, как горячо реагировал зал на цифры и факты наших экономических, культурных завоеваний, которые привел член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Украины **П. Шелест** в своей речи на съезде.

Нужно было видеть, с каким вниманием и уважением встретили участники съезда наших героев-современников — члена ЦК КПСС, Героя Социалистического Труда, председателя колхоза **В. Кавуна**, учительницу из Дрогобыча **Л. Гнатюк**, рабочего киевского завода «Ленинская кузница» Героя Социалистического Труда **Н. Молодченко**. И с какой заинтересованностью в успехах литературы — огромной воспитующей силы советского общества — выступали с трибуны съезда представители нашего рабочего класса, крестьянства, интеллигенции.

Мысль об ответственности художника перед народом, перед лицом задач, которые поставил XXIII съезд КПСС, прозвучала почти во всех выступлениях.

Наше марксистско-ленинское понимание свободы творчества предусматривает прежде всего осознание гражданского долга и партийной честности писателя перед народом, сказал П. Шелест. К настоящей творческой свободе прогрессивные художники приходят не через ослабление, а через усиление связей с жизнью общества. Каждое удачное произведение, которое глубоко, правдиво отражает действительность, является ценным подарком автора обществу.

Литература, которая замкнулась бы в своих художественных категориях, которая стала бы глухой к жизни народа, — такая литература обречена на вырождение.

— Мы живем в сложном и беспокойном мире, тихие воды и ясные зори наших предков выглядят сегодня иначе. Днем и ночью вокруг планеты несутся космические устройства различных конструкций — и мы их видим; армады атомных кораблей крейсируют по океанским волнам — и мы об этом знаем; государственный переворот где-нибудь в горах Эквадора, трагедия в индонезийских тропиках, стон вьетнамских патриотов, истязаемых интервентами, — все находит отклик в нашем сердце, мы не можем быть в стороне от того, чем живет современное человечество, — так **Олесь Гончар** начал отчетный доклад.

Советские украинские писатели не забывают, что литература начинается с пристального внимания к человеку, с заботы о его судьбе, его гражданской позиции. Сегодня они как никогда проникнуты ответственностью за воспитание человека коммунистического Завтра, за то, чтобы вести человека к светлым коммунистическим идеалам.

О том, что идейная зрелость литературы социалистического реализма, в частности украинской, углубление внимания к человеку, рост интеллектуальной активности стали заметной и важной чертой всей литературы нашего времени, говорили на съезде **И. Вильде, С. Крыжанивский, А. Полторацкий** и другие ораторы. Это свидетельствует еще раз, как дороги нашим писателям великие традиции советской и мировой литературы.

— То, что наши литераторы не просто отображают жизнь, но творят ее, — это и непростая наша миссия, и великое наше счастье, — сказал с трибуны съезда **Виталий Коротич** в своем содержательном выступлении. — И я думаю о том, что мы уже вырастили поколение людей, каждый из которых готов отдать жизнь за Советскую власть... И в дальнейшем мы, литераторы, будем воспитывать людей, достойных продолжить дело, начатое старшим поколением.

Знаменательно, что мысли эти, свидетельствующие о преемственности традиций советской литературы, высказал один из представителей молодой украинской поэзии.

Ответственность перед людьми и перед обществом — не абстрактное понятие, как бы стоящее над творчеством, подчеркнул **Василий Козаченко**:

— Нам нельзя забывать, что быть членом Союза писателей — не только большая честь, но и большая ответственность. Каждый член союза обязан оберегать, высоко держать авторитет и честь своей организации и отвечать перед читателями за каждое свое слово, каждое произведение, предупреждая появление идейных и художественных срывов... Нам следует помнить, что идейная позиция советских писателей — наступление, а не оборона, верность принципам партийности и народности, великой дружбы народов. Об этом нам еще раз напомнил XXIII съезд КПСС.

Украинская литература развивается в теснейшем единении со всеми братскими литературами Советского Союза, — эта мысль вновь и вновь подчеркивалась ораторами, — делегатами и гостями съезда. Посланцы республик разделили со своими украинскими собратьями по перу их думы и заботы о дальнейшем развитии многонациональной советской литературы. Они участвовали в обсуждении не как «свадебные генералы», а как соратники, у которых одни и те же высокие цели, одна и та же высокая миссия.

Украинские писатели внимательно следят за творческим трудом своих товарищей в других республиках. В свою очередь сами они чувствуют искреннее внимание к их творчеству. Лучшие произведения, появившиеся на Украине, переводятся на многие языки народов нашей страны, становясь явлением общесоюзного духовного процесса. За последние годы на Украине были проведены недели узбекской, таджикской, литовской, латышской литератур, сейчас здесь готовятся к встрече с русскими и грузинскими писателями. Значительным культурным событием в жизни всей страны была украинская декада в Москве, надолго запомнились недели украинской литературы в Казахстане, Узбекистане, Грузии, Таджикистане, Латвии — каждая из этих встреч еще больше сближала наши культуры, укрепляла творческие связи, насыщала духом братства.

Проникновенно и образно сказал поэт **Николай Ушаков**:

— Творчество Тычины и Шолохова, Межелайтиса и Смуула, Айтматова и Гончара, и не только их, — все это принадлежит каждому народу, все это наше общее, без чего невозможно представить себе не только свою библиотеку, но и свою жизнь. В непрерывном соревновании разных, но дополняющих друг друга культур все отчетливее определяются общие тенденции многообразной, но единой советской литературы, определяется общая направленность того, что делает каждый из нас на своем языке и в своей литературе. Наши традиции восходят к «Слову о полку Игореве», и «Манасу», к «Витязю в тигровой шкуре» и «Алпамышу», к «Медному всаднику» и «Наймичке», к «Двенадцати» Блока и «Красной зиме» Сосюры. Они говорят о чувстве Родины в ее счастливые и роковые мгновенья, в минуты наивысшей тревоги за ее судьбу и в минуты величайшего ее торжества.

Советы Горького и Айни, призывы Маяковского и поэтов Белоруссии, наследие Ауэзова и Фадеева — это наш общий манифест, это, конечно, и наш общий труд, часто в одном городе, еще чаще — за сотни и тысячи километров друг от друга, однако всегда в общих мастерских.

УКРАИНЦЫ по праву гордятся тем, что их поэзия ясным голосом Павла Тычины подарила эпохе слова, которые давно стали крылатыми: «чувство семьи единой! Нам нужно и в дальнейшем укреплять творческую дружбу писателей всех национальностей, постоянно заботиться о том, чтобы в нашей большой писательской семье всегда господствовала атмосфера доверия и взаимопонимания, говорили многие делегаты и гости съезда. Нужно, чтобы у нас постоянно царил творческий дух товарищества, принципиальности, лишь в дружбе, в честном соревновании — залог наших новых успехов.

Как бы дополняя эти мысли, **Леонид Новиченко** подчеркнул, что в сложном вопросе развития национальных культур надо всегда исходить из двух сторон единого процесса: с одной стороны, расцвет национальных культур, с другой, — их взаимосближение. Это единство национального и интернационального в жизни советских народов — великое завоевание нашего строя. Оратор критиковал некоторые статьи, в которых проскальзывали неправильные, упрощенческие тенденции, ставящие под сомнение перспективность дальнейшего развития национальных языков.

— Мы всегда должны быть начеку, — сказал он, — чтобы не допустить никаких отклонений от ленинизма — ни игнорирования национальных интересов, ни такого преувеличенного отношения к ним, которое приводит к национальной замкнутости и ограниченности.

В разговоре о взаимосвязях и взаимообогащении литератур был поднят и вопрос национальной специфики. Тема эта не новая, не раз вызывавшая дискуссии на страницах газет и журналов, на писательских собраниях. О национальных мотивах в литературном творчестве говорил на съезде и секретарь правления Союза писателей СССР **Георгий Марков**:

— Для того чтобы выразить наиболее полно и весомо характерные черты, присущие нашему современному герою, — сказал он, — писатель должен ярко обрисовать национальные линии, отыскать самые сокровенные и самобытные национальные звуки и краски, которые можно добыть лишь в том случае, если автор дошел до самых глубин народной души, до подлинно народной поэзии. И наоборот, нельзя создать образ советского человека, какой бы национальности он ни был, к какому бы народу ни принадлежал, если не видеть в нем тех качеств и свойств, которые воспитаны нашим социалистическим обществом. И это диалектическое единство двух сторон, двух плоскостей нашего современного художественного мышления не поддается никакому расчленению. Нам нужен в литературе герой, не очищенный наподобие дистиллированной воды, а человек — как явление своей среды, своего времени, со всеми существенными и характерными приметами, в том числе и национальными, причем он нам нужен по самой сложной алгебраической формуле, а не по формуле первого столбца таблицы умножения.

— Поэтому мне кажется, — продолжал Г. Марков, — что нам нужно спорить не о том,

(Окончание на 3-й стр.)

над чем работают...

Георгий БЕРЕЗКО

СОВСЕМ недавно я окончил долгую, трехлетнюю работу над новым романом. Название у него довольно длинное: «Седьмая степень свободы или необыкновенные москвичи».

В механике существуют, как известно, только шесть степеней свободы, то есть возможных независимых движений механических систем. Под седьмой степенью один из персонажей моего романа подразумевает свободу духовную — освобождение от эгоизма и догмы. Из второй половины заглавия видно, что роман мой о Москве и москвичах. Его герои — люди самых обыкновенных профессий и занятий: шофер такси, директор магазина, парикмахер, начинающий поэт, школьники, студенты, пенсионеры: ничем особым эти люди как будто не примечательны. В то же время, если присмотреться получше, в их судьбах отразилась судьба страны. И каждый из них, если опять-таки поглядеть внимательно, по-своему необыкновенен, живет сложной, богатой внутренней жизнью. Другими словами, мне хотелось в романе, который выйдет в свет, по-видимому, в следующем, 1967 году, показать какие-то итоги нравственного развития моего современника и соотечественника за полвека.

Начат мною еще один роман, называющийся «Братство», на близком мне жизненном материале — о людях в военной форме, об армии. Действие его происходит у нас в стране и за рубежом в наши дни. Как и в годы войны, я опять думаю о великом интернациональном смысле той службы, которую несет советский солдат.

Над этой книгой предстоит еще много потрудиться.

...Давно уже меня тревожит замысел пьесы из времен гражданской войны: сюжет ее возник из удивительной истории, рассказанной мне одним ее участником — старым профессиональным революционером, большевиком. Это должна быть пьеса о подлинной ценности человеческой жизни — героическая драма большой мужественной души.

□

Борис ИЗЮМСКИЙ

ТОЛЬКО что в издательстве «Молодая гвардия» вышел мой роман «Девять лет» — о молодых людях нашего времени.

По случайному стечению обстоятельств, я и писал его девять лет, большую часть из них живя в маленьком городке Волгодонске — у Цимлянского моря.

Здесь, на моих глазах, школьники становились надёжными рабочими, рабочие — инженерами, инженеры — учеными. Здесь, на моих глазах, рос и хорошел у рукотворного моря город химиков, и душе моя тоже приросла и к этим людям, и к этому городу, что я уже не представляю себя без них.

Даже в тех планах, что рождаются сейчас, я снова и снова возвращаюсь к Волгодонску. Ведь в нем, как в чудо-капле, отражен огромный мир Октября: взлет человеческой мысли, трудолюбие народа, его завтрашний день.

Думается, что в книге рассказов «Чужая боль», которую готовлю к печати, эта привязанность к герою нашего времени проявит себя. Но, как историка, меня привлекает и родная старина. Я написал для школьников повесть «Соляной шлях» о Киеве времен Владимира Мономаха, потому что уверен: мы всегда будем живо интересоваться самым далеким прошлым нашей страны.

СО СВОЕЙ КОЛОКОЛЬНИ...

Александр БЫЛИНОВ

РЕФОРМА: ПРОБЛЕМЫ И ПОИСКИ

Я ПРИЕХАЛ на «Запорожсталь» в дни не очень спокойные, а для человека постороннего и вовсе неблагоприятные. Кто знает, что такое конец месяца на крупном заводе, тот поймет, что я испытывал некоторое чувство неловкости, претендуя на внимание и время заводских работников. Если же учесть, что и текущая жизнь не миловала руководителей и рабочих, то можно представить, с какой осторожностью и предупредительностью я начинал беседы с людьми.

Но о реформе говорили охотно и раздумчиво. В беседах, как мне показалось, сами осмысливали то, что три месяца назад пришло на завод. Делились добрым и недобрым.

«Погоня за прибылями» заставила завод просить увеличить план второго полугодия на десятки тысяч тонн проката и на 4 200 тонн белой жести. Стало выгоднее планировать с учетом всех внутренних резервов, как говорится, с полной выкладкой. Прибыль от дополнительного объема реализуемой продукции тоже уже подсчитана: 1 миллион 340 тысяч рублей.

За эти три «медовых» месяца на заводе начали совсем по-иному относиться к труду, к технологии, к проблемам реализации, себестоимости, прибыли. Переучиваться начали! Благодаря новым принципам материального поощрения на каждом участке конкретно определились свои ключевые позиции в борьбе за экономию. В мартеновском цехе — повышение стойкости футеровки ковшей и сводов печей, бережное расходование кирпича, топлива, раскислителей. За сложные марки стали теперь платят дороже, а плавки второго сорта подешевели на двадцать процентов — прямой убыток незадачливой бригаде.

В цехе холодной прокатки на учете уже не только тонны, а даже килограммы металла. В цехе слябинг, где стальные слитки превращаются в заготовки для листопрокатного цеха, платят за экономное использование наждачных кругов и резцов. Только в августе здесь сберегли наждачных кругов на 1 169 рублей. Оказалось, что в новых условиях можно довести брак в этом цехе до фантастического процента: 0,0003!

ВСЮ жизнь, с тех пор как ты впервые переступил порог завода, тебе втолковывали, что стране требуется металл, а раз требуется, то надо дать его столько, сколько можешь, и даже сверх того. Но вот сколько стоит этот металл стране, какой ценой его даешь — об этом как-то не очень задумывались. Теперь иные времена, другие взгляды. Однако ветеран «Запорожстали», прославленный сталевар в прошлом, а ныне секретарь партбюро мартеновского цеха Семен Семенович Якименко пока что далек от восторгов. Басок его звучит сурово и внушительно.

— Мы еще в ползунках, понимаете? Мы еще только нащупываем ступеньки, по которым подниматься и подниматься. Зачем же нам ножки подставляют, а? Согласуется это с тем, чему учит партия?

Последние слова он произносит гневно.

Сакраментальная цифра — 612. Она преследовала меня всюду, не только в мартеновском цехе...

Что же это за цифра?

Такова установленная Министерством черной металлургии УССР норма расходования чугуна (в килограммах) на тонну выплавляемой стали. Я не буду останавливаться на технологических подробностях, скажу только, что 612 килограммов — это голодная норма. Истинная потребность мартенов для выпуска тонны стали при всех прочих нормальных условиях — 628 килограммов чугуна.

Поначалу я, грешным делом, подумал, что пуд чугуна на тонну стали всегда может затеряться, «раствориться» в море металла и не повлияет на конечный результат. Оказалось не так: технология не терпит компромиссов. Помножьте шестнадцать килограммов на миллионы тонн годовой выработки стали, и станет ясно, какого чугунного айсберга недостает сталеплавильщикам для ритмичной работы и хорошего самочувствия.

Растет долг по чугуну. А ведь если еще стальной лом некачественен да поступает неритмично и тоже в полуголодной норме, то зальешь чугуна не 628 килограммов, а все 670.

— Я не знаю, кто там так планирует, — в сердцах сказал Якименко, — кто придумал голодный паек для наших бедолажных мартенов, но вижу, как нарушается высокий замысел... А замысел был такой — наука, точность, разумность. Если уж ступил на этот путь, будь добр держаться, и в людях воспитывай это постоянство. Кое-кто меня урезонивает: рассуждаешь, мол, со своей колокольни, а что тебе с нее видать? Вот заберись на колокольню повыше, тогда, может, увидишь пошире и поймешь, откуда она, эта голодная цифра — 612.

Семен Семенович мудро улыбается, и мне чудится, будто он уже взбирался на некую колокольню «повыше» и все же не хочет соглашаться с порядками, которые разглядел оттуда.

ВЕДОМЫЙ той сакраментальной цифрой, я побывал в Министерстве черной металлургии УССР.

— Э-э, мил человек, а что мы можем сделать? Колоколенка-то наша во-о-от какая маленькая, — объяснили мне здесь, показывая, какая это, в общем-то, невысокая колоколенка. — Госплан над нами, Госплан!

Я замер. Неужто и отсюда не дано узреть то, что видно с колокольни повыше?

Нет. Здесь все пошире — и кабинеты, и взгляды. Здесь, например, знают, что от такого же голода на передельный чугун изнывают и другие металлургические предприятия Украины — Дзержинка, «Криворожсталь», Петровка, заводы Донбасса.

Мне объясняют почти шепотом:

— Госплан. Недодал 250 тысяч тонн...

СТАЛЕПЛАВИЛЬЩИКИ тащат меня на «склады» и демонстрируют сорок тысяч тонн готовых слитков. Они вот уже который месяц лежат без движения, так как прокатные агрегаты завода не в состоянии сжевать весь сваренный здесь металл.

Продать на сторону? Не берут, габариты не подходят, потому что отливка специфическая, только для стального листа. И вот металл лежит, как скальный грунт, на котором ничто не произрастает. Кроме убытков. Экономисты подсчитали: потеряно полтора миллиона рублей. Потому что на выплавку сорока тысяч тонн стали истрачено соответствующее количество материалов, топлива, энергии, рабочего времени, а толку с этого пока никакого. Зачем же планировали эти тонны министерство, Госплан?..

На четвертый квартал министерство снова «подкинуло» заводу прибавку по стали — еще пять тысяч тонн. В цехе разводят руками: Что же, опять в «загашник»? Для чего мертвый груз, кому нужны эти новые ряды слитков?

На будущий год намечается новое и, как здесь утверждают, опять-таки неоправданное увеличение выплавки стали. Залежи негабаритных слитков достигнут восьмидесяти тысяч тонн!

В цехах нынче думают. Считают. Ревниво считают. Понимают: не так это должно делаться, не так! Глубоко восприняв идеи сентябрьского Пленума ЦК КПСС, принципы экономической реформы, люди в цехах ждут и от планирующих инстанций серьезного, вдумчивого подхода к их труду.

Людей на заводе тревожит перерасход чугуна, достигший уже семидесяти тысяч тонн. Они ищут выхода из создавшегося положения и вроде бы находят его. Оказывается, цифра 612 накрепко связана с цифрой 40 000. Не зря потащили меня мартеновцы вниз, к мертвым слиткам. Вот он где, чугун, заморожен! Если бы сократить план по стали, можно было разумно сэкономить чугун, заделать, так сказать, экономическую «пробоину» в корпусе заводского корабля.

Уменьшить план выплавки стали? Не ослышался ли я?

— Да, да, уменьшить. И никаких гвоздей. Вот так. За ненадобностью в данной ситуации.

Увы! Не верят мартеновцы в подобное «чудо». Велики силы инерции...

Боюсь, что и мои слова об уменьшении плана по стали заводу «Запорожсталь» тоже покажутся кое-кому кощунственными.

В КОНЦЕ концов я понял, что этот могучий организм, металлургический завод, окропленный озоном экономической реформы, все еще крепко стреножен «централизованной» инструкцией, мелочной опекой, а порой и недоверием.

При мне прибыло распоряжение Министерства черной металлургии республики: сократить административно - управленческий аппарат на пятнадцать человек!

А почему на пятнадцать? Кто эту цифру придумал? Быть может, надо вовсе не сокращать аппарат, а увеличить его на пятнадцать человек? Для пользы дела.

На заводе недоумевают, готовят «отписку». А тем временем цеховые экономисты изнывают от непомерного объема работы. В некоторых цехах в обход штатного расписания, которое до сих пор сковывает руководителей, начальники цехов вынуждены содержать помощников экономистов за счет рабочих должностей, точно так же, как иные хозяйственники содержат футболистов...

Директор завода Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии Лев Дмитриевич Юпко рассказал мне о проведении реформы, которая уже дала здесь обнадеживающие ростки. Крепнуть бы им и развиваться! Тем более, что с будущего года на новую систему будут переводиться многие другие металлургические предприятия страны. И среди них не только такие передовые, рентабельные, благополучные в экономическом отношении, как «Запорожсталь».

Но вот беда. Казалось бы, вложила реформа в руки директора жезл самостоятельности и инициативы, а по существу он этой свободы подчас и не чувствует. Где уж там самостоятельность, если «сверху» следят за каждой твоей штатной единицей и приказывают: сократить, прибавить; если тебе спускают план по стали без учета потребностей, если грубо попирается технология. И снова всплывает та же злополучная цифра 612...

В кабинете директора на столе стоят сувениры из множества стран мира, где знают и ценят марку надежной металлургической фирмы «Запорожсталь». Я вспомнил разговоры в цехе и в министерстве о пресловутой «своей колокольне», откуда смотришь, да не всегда все видишь, и подумал, что этот могучий завод на берегу Днепра вовсе не заштатная «колоколенка», как думается кое-кому, и что с нее многое видать.

ЗАПОРОЖЬЕ—ДНЕПРОПЕТРОВСК

СПОР ИДЕТ

МАТЕРИАЛЫ ПУБЛИКУЮТСЯ В ПОРЯДКЕ ОБСУЖДЕНИЯ

ПРОДОЛЖАЕМ РАЗГОВОР: ШКОЛА, УЧЕНИК, ЛИТЕРАТУРА

«ДЕТСКАЯ» и «ВЗРОСЛАЯ»

Вадим НАЗАРЕНКО

ПОСЛЕДНЕЕ время на страницах «Литературной газеты» идет дискуссия о литературе в школе, о внеклассном чтении. Это связано с самим понятием «детской» литературы. Кажется, тут все ясно. Но, как во всяком деле, может быть полезен неожиданный подход, непривычный угол зрения... Пишущий эти строки совсем не специалист по «детской» литературе. Тем не менее хочется поделиться некоторыми соображениями.

Толчком к раздумьям о детской литературе явились для меня слова А. И. Маркушевича: «Мы, работники просвещения, обращаемся с большой просьбой к «взрослым» писателям: когда вы пишете, не исключайте и детей из числа своих читателей... Пишите так, чтобы вас читали дети!»

«Писать так, чтобы читали дети», вовсе не есть для «взрослого» писателя какая-то утопия.

А. И. Маркушевич замечает: «Возьмите такие имена, как Сервантес, Дефо, Свифт, Вальтер Скотт, Гюго, Диккенс, — за рубежом, как Пушкин, Гоголь, Тургенев, Лев Толстой, Чехов и Горький, — в России. Ведь они не были детскими писателями в современном смысле слова, а попробуйте представить детское и юношеское чтение без этих имен!»

Перечень, конечно, далеко не полный. Его легко продолжить: Гончаров... Лесков... Лермонтов... Жуковский... Некрасов... Дюма... Брет-Гарт... Джек Лондон... Джозеф Конрад... Уэллс...

И постепенно вырисовывается: едва ли не вся классическая литература была и есть детское чтение.

Нетрудно заметить: и сегодня далеко не все «взрослые» книги — «только для взрослых». Но какая-то часть несомненно только для взрослых. Можно заметить: такое «ответвление» возникло не более лет восьмидесяти назад. Любопытно: примерно к тому же времени относится и распространение литературы только для детей. Не есть ли это, как говорится, «две стороны одной медали»? Но не будем забегать вперед.

Какие же особенности делают книгу чтением только для взрослых?

Конечно, то, из-за чего на такие-то фильмы «детям до 16 лет вход воспрещен», — «секс». Он густо прославляет многие произведения современных западных писателей. В нашей литературе этого, в общем, несравненно меньше, но к данным мотивам нередко прибегают, не имея другого средства возжечь интерес к своим сочинениям. Отношение нашей критики к живописанию «секса» какое-то не очень определенное. Но в каких-то пределах живописание «секса» как бы приветствуется, и — что надо отметить — во имя реализма. «Секс» есть в жизни. Литература должна отражать жизнь. Совсем без «секса» литература будет нереалистична. Такова внутренняя логика во многих критических суждениях на эти темы.

Однако почему величайшие мастера реализма были удивительно сдержанны в сфере живописания «секса»? Кто упрекнет Пушкина или Льва Толстого в «монашеском аскетизме»? Но отчего же они писали о любви так, что «могут читать дети»? Или, может быть, реалисты прошлого были поголовно эдакими ханжами в своем творчестве?

Во многих произведениях современной западной литературы встречаешь скрупулезное живописание смерти и умирания. Различных жестокостей. Разнообразных болезненных душевных состояний, цинизма, трусости, нравственного распада.

Подобные литературные картины, как справедливо считается, не годятся для детского чтения, так как могут «травмировать», «загрязнять» детскую душу.

Но эти картины так или иначе существуют в реальной действительности. И как будто неизбежен вывод: для детей нужна литература не вполне реалистическая.

Однако поперек этому рассуждению опять же пример великих реалистов прошлого, писавших для взрослых о всем, что есть в жизни, но почему-то так, что их «могли читать дети».

ДУМАЯ об этом, сталкиваешься и еще с существеннейшими обстоятельствами.

Душевная жизнь человека очень сложна, каждое событие и впечатление вызывает множество душевных движений, ассоциаций, воспоминаний, предположений, эмоций. Многие современные западные романы и строятся в виде «потока сознания» автора. Такая перенасыщенность психологией создает сложность повествования, недоступную для детского чтения. Как будто неизбежен вывод: и в плане «психологической живописи» литература для детей не должна быть особо реалистической. А между тем великие реалисты прошлого отражали сложность жизни в повествованиях в общем простых. И таких, которые «могли читать дети»!

Известно, специальная литература «только для детей» разрослась сравнительно недавно, к концу прошлого века.

Такая «взрослая» литература, куда «детям до 16 лет вход воспрещен», разрослась примерно в то же время.

К этому же времени относится и упадок фабулы и сюжета, возникновение бесфабульности и бессюжетности повествований. Всяческий сумбур в сознании, умственное безволие и цинизм, мутный натурализм вплоть до порнографии поднимались декадентами на принципиальную высоту, считались величайшим откровением, окончательным итогом постижения жизни. Не тут ли и стало возникать размежевание: литература «только для взрослых» и «только для детей»? Так сказать, «двойной слет»... Ведь, предаваясь «взрослому» умственному разврату, декадентствующий буржуа вместе с тем должен выглядеть почтенным отцом семейства и, конечно, зачастую действительно любит своих детей. Характерное проявление этого — забота об «оранжерейной» обстановке для своих детей, о «золотом детстве», отгороженном от впечатлений и влияний действительности.

Дети всегда и обо всем спрашивают: «Почему?» Какая бы то ни было педагогика непременно требует отвечать. Но «взрослое» буржуазное мировоззрение не только не дает ответов на вопросы о смысле реальности, а как раз провозглашает ее бессмысленность. В литературе ответы даются языком фабулы и сюжета: логикой событий, типизирующих жизнь. Воспитывая детей, не обойтись в литературе без фабулы и сюжета. Но буржуазному мировоззрению больше всего соответствует бесфабульность и бессюжетность. И возникают фабулы специально для детей: елейные, плоско-назидательные.

Я убежден, что как бесфабульность и бессюжетность, так и размежевание литературы на «только для взрослых» и «только для детей» не являются прогрессом мировой художественной культуры, но есть лишь трагическое болезненное и довольно длительное извращение природы вещей в искусстве.

Главное свое воздействие литература оказывает в детстве, отрочестве, юности. Перефразируя известный афоризм, можно утверждать: скажи, что ты читал в эти годы, и я скажу тебе, кто ты. И этому-то, можно утверждать, главному читателю надлежит, по довольно распространенному мнению, предлагать литературу «со скидкой», а сокровища художественного творчества, обладающие всей полнотой образного познания жизни, приберегать до той поры, пока он станет взрослым...

Как всем известно, Татьяна — воплощение высоких человеческих качеств. Конечно, странно было бы утверждать, что ее характер создался только под влиянием того, что она читала в детстве. А все же, случайно ли говорит Пушкин о своей героине: «Но куклы даже в эти годы Татьяна в руки не брала...» И: «Ей рано нравились романы...»

Конечно, Татьяна — художественный вымысел. Но обратимся к реальности. Подойдем к полкам, где стоят томики «Жизни замечательных людей»... И чаще всего заметим то же. Конечно, все это были люди чрезвычайной природной одаренности. Но можно утверждать: раннее и сильное развитие их возможностей много зависело от того, что, избежав «диеты» специально детского чтения, они рано обогатили свою душевную жизнь «взрослыми» книгами.

Я намеренно избегаю говорить здесь конкретно о тех или иных «детских» книгах, чтобы не уводить разговор в споры о том или ином произведении. Но, наверное, каждому доводилось читать книги, созданные специально для такого-то возраста и, несомненно, абсолютно понятные тем, для кого они написаны.

ОДНАКО служит ли такая, вполне понятная книга душевному развитию? Более чем сомнительно.

Поскольку подросток живет не в колбе, а во всамделишной жизни, его представления о ней развиваются куда раньше и куда полнее, чем мнится автору специальной «детской» книги. Если не забывать, что сознание не является, как говорится, «чистой доской» и что образы книги должны вторгнуться, именно вторгнуться в сознание, полное образных впечатлений живой действительности, — понятно, что подлинное воздействие книга может оказать только тогда, когда образы ее могут «конкурировать» с картинами самой жизни по яркости и захвату внимания.

Надо себе представить, что, проведя ранние годы в атмосфере духовного «укутывания» посредством книжек, подслащающих реальность, человек, вступив наконец сам в эту реальность, все-таки столкнется со многими сложными, неприглядными, даже мучительными обстоятельствами. И тут уж будет душевное потрясение куда болезненнее, чем было бы от книги...

Пользу чтения подростком «взрослых» книг можно в какой-то мере сравнить с пользой прививок.

Словом, все эти рассуждения клонятся к чему-то такому, что я могу высказать лишь в качестве предложения сугубо дискуссионного.

А что если дать юному читателю возможность свободного доступа к любым сокровищам «взрослой» литературы?

Что, собственно, в этом ужасного? Это лишь поставило бы каждого подростка в то положение, в котором в прошлом были дети богатых родителей, имевших большие библиотеки и не запиравших на ключ книжные шкафы. Заметим, и сегодня известное число подростков, в семьях, имеющих отношение к гуманитарным наукам, и в других семьях книголюбов, обладает возможностью свободного чтения «взрослых» книг. И вроде бы не слышно о «разлагающем» влиянии этого.

Чувствуешь некое содрогание, видя, как библиотекарша категорически говорит юному читателю: читай это. А этого не читай. Рано. Нельзя. Не поймешь. Ведь тут, в сущности, происходит оскорбление человеческой личности! Можно ли вообразить, чтобы сказали взрослому: «Это вам еще рано читать, не поймете». А почему это можно говорить подростку?

...Я далек от мысли и очень не хотел бы быть понят в таком духе, что, дескать, совершенно ни к чему не нужна специально «детская» литература. Так сложилось во времени, и никто не может этого «отменить», что есть «детская» литература и есть литература «для взрослых».

Однако есть ведь и развитие в жизни и обусловливаемом ею искусстве. Из того, что сейчас существует специальная детская литература, вовсе не следует, что она будет существовать всегда. Уже сейчас ширятся примечательные процессы в духовной жизни нашего общества. Все больше «взрослых» книг становится и детским чтением. И, пожалуй, писатель, склонный к раздумьям о будущем культуры, не может не предвидеть те времена, когда кончится разобщенность «взрослого» и «детского» чтения.

реплики

Изумительная редактура

Выдержка из письма А. И. Смирнова и писательнице В. Осеевой: «...Работая редактором учебников, я имею и другие школьные издания, как мордовские, татарские, чувашские, удмуртские и башкирские. И во всех пособиях учителя не могут обойтись без Ваших изумительных произведений...»

Речь идет о коротких рассказах для детей В. Осеевой из серии «Волшебное слово». В течение двадцати лет эти рассказы несколько раз переиздавались без каких бы то ни было редакторских правок и изменений издательством «Детская литература».

Но вот их коснулась рука «редактора школьных учебников» А. И. Смирнова (Марийское книжное издательство), и рассказы В. Осеевой приобрели такой вид, что писательница с трудом смогла признать своими эти «изумительные произведения».

Всего в учебниках русского языка для марийских школ напечатано под редакцией А. И. Смирнова двенадцать рассказов В. Осеевой. Нужно признать, что в одиннадцати из них авторский текст более или менее сохранен, а вот в двенадцатом — «Горьная вода» — но осталось ни одного слова, принадлежащего В. Осеевой. Писательница прочла этот рассказ, подписанный ее именем, как совершенно незнакомое для нее произведение. «Изумительное» ли, — судить А. И. Смирнову.

В. НИКОЛАЕВ

МОСКВА, 1941-й НЕЗАБЫВАЕМЫЙ

Здесь танки врага не пройдут

Ополченцы на привале

У могилы Юрия Крымова

Недалеко от города Черкассы, в селе Богодухове, двадцать пять лет назад пал героической смертью известный советский писатель Юрий Крымов. До последнего дыхания он сражался с врагом. Он был тяжело ранен, в его автомате не осталось ни одного патрона, под руками — ни одной гранаты. Крымов упал среди снопов пшеницы, и гитлеровцы закололи его штыками.

В селе Богодухове свято чтят память о писателе. Ему установлен памятник, одна из пионерских дружин носит его имя.

Недавно на могилу Крымова приехали его боевые друзья, бывшие военные корреспонденты армейской газеты «Советский патриот» — подполковники запаса А. Церун, И. Плесконос, И. Гридчин, капитан запаса И. Дергини. Приехала в Богодухову и жена писателя — И. В. Крымова-Оснерис.

На могиле состоялся траурный митинг. К памятнику писателя-бойца были возложены венки.

Ан. ЩЕЛОКОВ, подполковник запаса

Большевик, комиссар, писатель

«Я считал Фурманова надеждой пролетарской литературы; среди прозаиков ее, где несомненно есть крупные фигуры, Фурманов был для меня крупнейшим». Эти слова А. В. Луначарского посвящены автору «Красного десанта», «Чапаева», «Мятежа».

Боевой соратник М. В. Фрунзе, Д. А. Фурманов был комиссаром у героев гражданской войны — легендарного комдива Василия Ивановича Чапаева и Епифана Кожухова.

После гражданской войны Д. А. Фурманов всю свою волю, ум и талант отдает становлению молодой советской литературы.

Об этом и многом другом рассказали выступившие на вечере, посвященных 75-летию со дня рождения Д. А. Фурманова, состоявшихся в Центральном Доме литераторов и в Музее А. П. Чехова, сестра Д. А. Фурманова — Е. А. Фурманова, его дочь — А. Д. Фурманова, писатели А. Исбах, А. Жаров, М. Колосов, Герой Советского Союза генерал-полковник артиллерии Н. М. Хлебников, народный артист СССР В. Бебочкин и М. А. Попова — знаменитая Анка-пулеметчица.

ОДЕКОЛОННЫЙ ПШИК

А. МОРАЛЕВИЧ

фельетон

РЕЯЛИ флаги. Плакаты звали. Новейшие достижения в организации труда! Посетите нашу выставку!

Устроительный комитет поработал на совесть. Гостевые билеты разослали заводам и фабрикам. Все и всех учли.

Посланцы прибыли своевременно. Они отметили командировки и побежали на выставку. Хотелось перенимать достижения, нести их в цехи и лаборатории.

Но посланцам мало что досталось. Как всегда, глянцевые проспекты, схемы переустройства цехов и объектов расхватали досужие домохозяйки и завсегдатаи в замшевых пиджаках. А иные посланцы заводов не смогли даже протиснуться к стендам. Сквозь гомон толпы они уловили только обрывки фраз, произнесенных гидами.

А потом сроки вышли, командировки закончились — и посланцы отбыли, увозя крайне смутные представления о переустройстве цехов. Но где-то на местах уже делались выводы.

— Техническая эстетика, знаете, творит чудеса! Допустим, в цехе жарко. Идут жалобы. Тут вы — бац! — красите цех в белое. И уже никто не жалуется. Цвет, вы даже не представляете, сколько он значит. Белый холодит, оранжевый теплит.

— Не может быть?!

— Именно! Именно так! Вы не читали, есть чешский профессор Петр Тучны? Просто кудесник! В опытном порядке он подсунул грузчикам черные мешки! Тяжелые мешки — больше одного не потянешь. А потом черные втихомолку покрасил в белый цвет, так грузчики, не поверите, стали с радостью по два мешка брать. Эти, мол, куда легче!..

— Шутите!

— Какие тут шутки.

— Значит, вы говорите, белый цвет?

— Белый, белый. Я точно слышал. Любой план выполняется.

Смутные слухи о чудесах цвета дошли до самых дальних краев. План, как известно, хочется выполнять всем. И директор одной ткацкой фабрики приказала: всем ткачихам надеть белые фартуки.

— Как же мы наденем? — растерялись ткачихи. — Мы не наденем. У нас синий испокон веков. Для ткача белый не годится.

Но мастера, получив инструктаж на пятиминутках, уже давали отпор.

— Постыдитесь! — говорили мастера. — Это из вас консерватизм выпирает. Белое — оно культура, а вы что? Камень вы на столбовой дороге культуры!

И зря ткачихи клялись, что они не камни. Им не верили. Не верили, что белый фартук мажется сверх всякой меры, сковывает движения, и ты стоишь в нем, думая уже не о работе, а о том, как бы не коснуться станка.

Такая обидная сложилась ситуация. Профессор Петр Тучны, надо заметить, давал по эстетике правильные советы. И профессор Иван Капустин давал правильные советы. Но кто-то не дочитал до конца, не вник. Кто-то не так все понял. Для кого-то культура производства свелась к пыльной герани возле станка и белому фартуку.

Белый фартук изматывал ткачих. Им приходилось носить по два: белый внизу, синий — поверх. Если идет директор, синий можно мигом сорвать. Словом, не столько работали, сколько оглядывались: не идет ли администрация?

И администрация сжалилась.

— Ладно, — сказала администрация. — Вечерние и ночные смены пусть носят опять синие... Но дневная смена только в белом. И без никаких!

В самом деле — вдруг нагрянет делегация по обмену опытом? Или репортер? Они днем ходят. Так пусть видят!

И чистоплюйство взяло верх над чистотой. Эстетство — над эстетикой. Вдруг появился стыд за «некрасивые» трудовые процессы и неуемное желание как-то облагородить их. В свете этих задач на одной свиноферме установили даже одеколонные опрыскиватели.

— Зачем они у вас? — спрашивали хозяйственников.

— Прыскаться, — отвечали хозяйственники. — Вот, скажем, лежит это... навоз. Значит, свинарка вывозит это, а как домой идти — пшш! Одеколонится. У нас эстетика.

— А душ у вас есть? Просто душ?

А просто душа не было. Была лишь попытка втереть очки. Подменить одеколонным пшиком заботу об улучшении условий труда.

Одеколон и герань — это еще не эстетика. Эстетика — умная, серьезная наука, призванная облегчить труд.

Облегчить, а не приукрасить. Эти вещи не следует путать.

Юбилейный номер «Театральной жизни»

Журнал «Театральная жизнь» отмечает своеобразный юбилей — очередной ноябрьский номер является двухсотым за девять лет издания.

В прошедших номерах читатели познакомились со многими интересными материалами — размышлениями виднейших мастеров театра, творческими дискуссиями, воспоминаниями актеров и драматургов. Большие планы у редакции журнала на год великого пятидесятилетия.

В Центральном Доме журналиста состоялась встреча авторского актива «Театральной жизни» с читателями.

МОСКВА, 1941-й НЕЗАБЫВАЕМЫЙ

Даже в эти дни москвич не расстается с книгой.

ОТДЕЛ ЛИТЕРАТУРНОГО ХРОНИКЕРА

■ В Ашхабаде прошла всесоюзная конференция, посвященная проблемам развития стилистических систем литературных языков народов СССР. В ней участвовали ученые Москвы, Ленинграда, Алма-Аты, Ташкента, Фрунзе, Баку и других научных центров нашей страны.

Конференция была организована Научным советом по комплексной проблеме «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций» при Отделении литературы и языка Академии наук СССР, Институтом языкознания Академии наук СССР и Академией наук Туркменской ССР. В работе конференции принял участие первый секретарь ЦК КП Туркменистана тов. В. Овезов.

■ При Союзе писателей РСФСР создан общественный совет по художественному переводу. В него вошли видные переводчики — прозаики, поэты. Председателем избран С. Липкин.

■ Московское отделение Союза писателей РСФСР и Центральный Дом литераторов проводят воскресные литературные чтения, посвященные 25-летию разгрома фашистских войск под Москвой. В них принимают участие писатели — участники обороны Москвы.

Первый вечер состоялся в прошедшее воскресенье. Председательствовал С. Васильев. Выступили А. Бек, Е. Воробьев, Е. Иригер, И. Левченко, И. Молчанов, Г. Саменихин, Ц. Солодарь.

■ В Институте литовского языка и литературы Академии наук Литвы заканчивается работа над коллективным трудом «Великая Октябрьская революция и литовская литература».

В центре внимания исследователей — вопросы формирования революционных традиций литовской литературы, роль советской литературы в культурной жизни Литвы до 1940 года, пути развития прогрессивной революционной поэзии, освоение методе критического реализма в литовской литературе 20—30-х годов. Многие главы посвящены проблемам современной литературы. Анализируются произведения, рассказывающие о роли Октября в жизни литовцев, широко освещаются проблема обогащения национальных традиций и закономерности развития социалистического реализма в литературе республики.

В подготовке труда принимали участие научные сотрудники Института литовского языка и литературы АН Литовской ССР: В. Галинис, Я. Жекайте, И. Каминскас, В. Кубилюс, И. Ланкутис, Р. Пакальнишкис, А. Радзявичюс, А. Самуленис. Свое исследование авторы посвящают знаменательной дате — 50-летию Великого Октября.

ХУДОЖНИК, ЖИЗНЬ, ОБЩЕСТВО

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

заниматься ли выявлением национального элемента в литературе, а о том, как лучше, полнее выявить национальные черты, имея в виду, что в условиях социалистического братства самые лучшие, самые благородные и возвышенные черты одного народа становятся достоянием других народов, обогащают их общий опыт.

Тут встает и другая проблема: как ярче, полнее и доказательнее выразить черты, подробности того великого процесса, который мы называем взаимообогащением и сближением наших наций, народностей.

Думается, как и во всех других сложных вопросах, нам надо глубже, пристальнее изучать жизнь народов, брать не верхний слой впечатлений, а идти к источникам, пробиваться, как бы это ни было трудно, к их основе, зорко видеть все то новое, что рождает народный опыт. С точки зрения этой огромной задачи взаимные связи последних лет дали нам много замечательных уроков. Мы и дальше должны по всем линиям развивать эти связи...

Не последнее место принадлежит в этих связях национальным языкам, вопросу развития которых было уделено большое внимание на съезде.

— Развитие социалистической украинской культуры и языка, — подчеркнул в своей речи П. Шелест, — во многом зависит от людей, которые собрались сегодня здесь. И прежде всего не от разговоров о необходимости такого развития, а от вашего творчества. Нужно бережно, с уважением относиться к нашему родному, прекрасному украинскому языку. Это наше сокровище, великое наследие, которое каждый из нас, и в первую очередь вы, писатели, должны беречь и развивать. Романы, повести, новеллы, стихотворения высокого идейного звучания, написанные прекрасным украинским языком, на высоком художественном уровне, — вот то, что необходимо для дальнейшего обогащения и развития национальной культуры и языка.

Проблема дальнейшего развития родного языка, его чистоты и самобытности теснейшим образом связана с проблемой мастерства, если мы говорим действительно о языке художественного произведения, а не о тех серых, графоманских поделках, которые, к сожалению, появляются во всех литературах, замедляя и усложняя развитие творческого процесса.

Значительная часть доклада О. Гончара была посвящена проблеме мастерства. Литература должна быть высокохудожественной, активно мыслящей, способной вступать в теснейший контакт с читателем напряжением мысли, глубиной и тонкостью чувств, живой поэтикой образов... Вопрос мастерства встает перед литератором не абстрактно — он становится для него вопросом жизни. Современного вдумчивого читателя сегодня уже не удовлетворяет старательная гладкопись, этакая симуляция художественного творчества, эпигонство, пускай даже трудолюбивое.

— Наша литература, — развил свою мысль О. Гончар, — далеко еще не освободилась от таких серьезных недостатков, как иллюстративность, плакатность, схематизм... Художник обязан чувствовать мускулатуру слова, знать ему цену. Писать более насыщенно и строго, с отбором — это и есть тот случай, когда меньше означает больше.

Искусство потому и является искусством, что оно творит, все время живет, как в первые дни творения, а не просто умножает количественно то, что уже было. В художественном творчестве каждый новый автор — первооткрыватель. Более того, каждая его новая книга — это поиски, творческое нащупывание той единственной художественной формы, которая могла бы лучше всего передать содержание именно данной создаваемой книги... Сегодня нам, более чем когда бы то ни было, нужны поиски, творческое беспокойство, дерзание в художественном освоении современной жизни.

— СОВРЕМЕННОСТЬ остается для нас всегда генеральной темой творчества, — подчеркивали выступавшие. — Делом чести для нас является задача — изобразить эпоху во всей сложности, создать полнокровные образы и характеры, которые впитали бы в себя правду нашей жизни.

И если на предыдущем съезде украинских писателей еще говорилось о недостаточном внимании к этой задаче, то сегодня, спустя семь лет, литература республики обогатилась произведениями, широко развивающими темы и идеи современности, книгами, в которых герой нашего времени занимает достойное место. Украинские мастера слова каждый по-своему, но с художественной полнотой, воссоздают народную жизнь. Самые лучшие, самые богатые краски свои они отдают созданию образа коммуниста, человека-коллективиста, труженика, который, не поступаясь индивидуальным, сознательно, по собственной воле выполняет свой гражданский долг перед обществом.

И вот здесь еще раз хочется сказать, с какой серьезностью должен относиться автор к созданию произведений, призванных раскрыть образ нашего современника. Актуальнейшей темой прикрывается порой конъюнктурщик, халтурщик-строчкогон, тоннами выдающий свою продукцию «на-гора» и компрометирующий святые для всех нас идеи. Как иронически заметил в своей речи С. Крыжанивский, эти писаки «тоже значительно повысили свой графоманский уровень».

— Брак не должен съедать бумагу, — было сказано с трибуны съезда, — а главное, он не должен разъедать людские души, нельзя дальше разрешать ему оглуплять читателя, дискредитировать литературу.

Олесь Гончар исчерпывающе, на наш взгляд, проанализировал связь «писатель — читатель».

«Мы привыкли разговаривать с читателем преимущественно в комплиментарном тоне, постоянно повторяя, что он, дескать, и требовательный, и внимательный, что он изо дня в день духовно растет... И в целом мы близки к истине. Читатель наш нынче и в самом деле не тот, каким он был, скажем, десяток с лишним лет назад. Но когда поставщики «антилитературы», защищаясь от критики, ссылаются на заказы читателей, это уже грустно, ибо и в самом деле читатель иногда оказывается нетребовательным, без протеста потребляет мещанское чтиво и этим затрудняет борьбу с халтурой. Не секрет ведь, что весь этот «здоровый примитив», холодная, без искры божьей беллетристика, разные боевики с натуралистическими подробностями и сногсшибательными сюжетами в библиотеках не залеживаются, журналы часто хватают такие произведения, чтобы поправить положение с тиражами. Над этим стоит задуматься. Очевидно, у нас не все ладно с идейно-эстетическим художественным воспитанием читателей, если псевдолитература еще пользуется спросом, если она может создавать для себя соответствующий микроклимат в читательской среде. Литература должна воспитывать, а иногда даже и отвоевывать читателя — читателя высоких требований, эстетически грамотного, интеллектуально состоятельного. Уровень литературы пребывает в диалектической связи с уровнем развития ее читателей, точно так же, как уровень общества определяется духовной развитостью каждой отдельной индивидуальности. Подлинная идейность, культура, тонкость чувств, интеллигентность мышления — вот что мы, литераторы, должны воспитывать и в читателях, и в первую очередь — в себе. Искусство всегда проявляло свою чудодейственную силу также и в этой способности выращивать для себя читающую публику, пробуждать в своем читателе активного мыслителя и художника. Читатель в самом деле — наш верный друг, и не нужно перед ним заискивать: его просто нужно лучше знать».

Юрий Смолич напомнил о тех предсъездовских обзорах и статьях, которые широко осветили весь литературный процесс перед съездом и дали коллективную — пусть и не всеохватывающую — оценку большому количеству произведений украинских писателей. Некоторые из них были справедливо и довольно резко раскритикованы, но «вывод из этого коллективного обзора можно сделать только один. Несмотря на все недоделки, несмотря на появление произведений неудачных, серых, слабых в художественном и идейном отношении, несмотря на все наши долги, — литература наша и за семь последних лет, и за все историческое пятидесятилетие дала читателю много, очень много ценного...»

Для подтверждения этих слов Юрия Смолича напомним хотя бы некоторые произведения, которые, появившись в межсъездовские годы, стали заметным явлением всей советской литературы. Это прежде всего удостоенные Ленинской премии стихи М. Рыльского, трилогия М. Стельмаха и роман О. Гончара «Тронка»; это отмеченные Шевченковской премией романы «Водоворот» Г. Тютюнника и «Сестры Речинские» И. Вильде, стихи П. Тычины и В. Сосюры, Н. Важана и А. Малышко, повесть П. Панча «На калиновом мосту»; это пьесы А. Корнейчука, Н. Зарудного и А. Коломийца, роман Л. Первомайского «Дикий мед» и поэтические сборники И. Драча и В. Коротича, новые книги П. Загребельного, И. Муратова, Н. Рыбака и многие, многие другие...

О. ГОНЧАРУ в докладе «Украинская советская литература накануне пятидесятилетия», на наш взгляд, удалось в основном охватить, творчески осмыслить события литературного процесса на Украине не только за семь последних лет. Это были писательские раздумья о судьбах советской литературы, литературы социалистического реализма, о ее прошлом, настоящем и будущем.

Думается, однако, что один из основных вопросов художественного творчества — вопрос мастерства — мог бы получить в выступлениях на конкретных примерах более широкое освещение.

На нынешнем съезде не было содокладов, а О. Гончар не мог, как говорится, объять необъятное. Но его отчет неплохо дополнили: выступление **С. Крыжанивского**, посвященное современной украинской поэзии, **Н. Зарудного** и **В. Собко** — о делах драматургических, **Д. Ткача** — о книгах, которые пишут «детям до шестнадцати...», **В. Коротича** — о социальной глубине и зоркости нашей литературы, **Л. Новиченко** остановился на состоянии литературной критики, отметив, что, хотя за последние годы в ней и заметны значительные положительные сдвиги, она все еще не поспевает за литературным процессом. Один из старейших украинских юмористов **А. Ковинька** не без юмора коснулся важных проблем этого популярного жанра. **А. Полторацкий** говорил о международных связях украинских литераторов, о их роли в укреплении дружбы между народами. Как главный редактор журнала «Всесвіт», постоянно сталкивающийся, так сказать, «в рабочем порядке» с постановкой переводческого дела на Украине, он говорил и о работе переводчиков (кстати, если на прошлом съезде отмечалось некоторое отставание этого важного литературного отряда, то ныне успехи талантливых переводчиков Украины общеизвестны,— за короткое время они подарили украинскому читателю целую библиотеку произведений классической и современной зарубежной и советской литературы)...

На съезде выступило более пятидесяти ораторов. Такое обилие выступлений свидетельствует об активности участников съезда, их серьезной и глубокой заинтересованности в своем деле, в дальнейшем развитии родной литературы. И как общенародное признание роли литературы в жизни нашего общества были восприняты награды, врученные Союзу писателей Украины в дни съезда: Почетная медаль в ознаменование 20-летия освобождения Советской Украины от немецко-фашистских захватчиков и Почетная грамота Президиума Верховного Совета республики...

Съезд писателей Украины — один из последних республиканских форумов, своеобразный пролог к предстоящему IV Всесоюзному съезду писателей — продемонстрировал полное единство взглядов и решимость литераторов еще лучше трудиться на благородной писательской ниве, во имя великого будущего — коммунизма.

И. СЕРГЕЕВА,
К. ГРИГОРЬЕВ
(наши специальные корреспонденты)

КИЕВ

Из лирических тетрадей

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

Однажды у телевизора

В самый разгар симфонии—вдруг
Из телевизора выпал звук,
Все так же сиял голубой экран,
В нем зрелище стало немым шумом.
Но, перейдя на беззвучную грань,
Оркестр вмиг заболел безумьем.
Дирижер прыгал, как шимпанзе,
Руками махал с идиотским видом;
Вот пианист истерику выдал,
Мчась по клавишному шоссе;
Дева из полотна Боттичелли
Арфу щипала во всю свою страсть;
Ростропович ярился, стремясь
Перерезать горло виолончели;
Тарелки, тарелки один на других
Зря хлопотали.
Флейтисты без шутки
Держали у рта пустые дудки
И дули в них, как дурака.
Впрни волос. Напряженные мускулы.
Какая ужасная кутерьма!
Эй, скорее: стихов или музыки...
Мир без лирики сходит с ума.

Тайна Бетховена

Нам говорят профессора:
«В чем тайна
Бетховена? Откуда этот свет?
Что внес он после Моцарта и Гайдна
В искусство симфонизма?»
И в ответ
Показывают пикколо, тромбон
И контр-фагот. «Он эти инструменты
Отважно ввел в оркестр.
Этим он
И деревянный звук, и голос медный
В три forte поднял. Что за глубина!
Из океана эти волны льются».
Вы ошибаетесь: Бетховена волна—
Из глубины французской революции.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

М. Д. Ройзману — 70 лет

Исполнилось 70 лет прозаику и драматургу Матвею Давидовичу Ройзману. Секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Дорогой Матвей Давидович, горячо поздравляем Вас с днем 70-летия и пятидесятилетием творческой деятельности. Тридцать лет назад Вы стали одним из зачинателей важной темы — отображения в художественной литературе героических будней советской милиции, воспитания высоких моральных качеств советского человека. Желаем Вам, дорогой друг, доброго здоровья, бодрости, неугасимой творческой активности».

Поздравили юбиляра также секретариаты правлений Союза писателей РСФСР и Московского отделения.

* * *

«Литературная газета» от души поздравляет юбиляра.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Сердечно благодарю всех, поздравивших меня с 60-летием и награждением орденом «Знак Почета».

Сергей МАРКОВ

ЗАМЕТКИ АРХИВАРИУСА

ПЕРГАМЕНТ XIV ВЕКА

...ТОЛСТЫЙ том большого формата в коричневом кожаном переплете, украшенном тисненым орнаментом. Это — рукописное «Евангелие», только что приобретенное Институтом русской литературы (Пушкинским домом) Академии наук СССР. «Евангелие» написано где-то на западе России великим мастером своего дела, — об этом свидетельствуют и художественно выполненные «буквицы» (заглавные буквы глав и страниц), и помещенная перед текстом кроссочная миниатюра с изображением Иоанна Богослова. Создатель рукописи явно был склонен к вольнодумству; на полях пергамента остались его шуточные пометы, весьма далекие от текста и духа «святой» книги: «Молился бы богу, да силки (силы) нет, а ещо дремлется, а на листах святых увечье (брак)».

За время своего 600-летнего существования книга много раз переходила из рук в руки. Еще в XIV столетии некий «пан Юрко» пожертвовал ее вместе с земельным участком церкви Спаса-на-острове на предмет вечного поминовения своей семьи. Спустя сто лет какой-то князь (имя его прочесть не удалось) со своей княгиней Анастасией подарили другой церкви рукопись и десятину пахотной земли, придав к ним двух бортников (пчеловодов). В XVI веке книга принадлежала уже некоему Кузьме, который оставил на ней свою подпись. Кожаный переплет появился в XVIII столетии — тогдашний владелец рукописи, видимо, не понимал огромной ее ценности и, переплетая книгу, так сильно обрезал поля, что часть текста оказалась поврежденной. В 1879 году «Евангелие» находилось в деревне Гарбеево, в библиотеке братьев А. и Ф. Мухиных. В Институт русской литературы книга была прислана из Владимирской области.

По отзыву специалистов, уникальная книга имеет большую научную ценность.

В нынешнем году Пушкинский дом приобрел свыше ста рукописных книг XIV—XIX веков. Все они будут показаны на отчетной выставке, открывающейся в стенах института в середине декабря.

ЛЕНИНГРАД

О МУЖЕСТВЕ ПИСАТЕЛЯ

ИЗ «СЕВЕРНОГО ДНЕВНИКА»

Юрий КАЗАКОВ

Я СИДЕЛ наверху этой истоптанной, зажитой, наполненной разными моряками и экспедициями, замусоленной, прекрасной архангельской гостиницы (в старом ее крыле), в нашем номере, среди развороченных рюкзаков, разбросанных вещей, среди всех этих сапог, пачек сигарет, бритв, ружей, патронов и всего прочего, после тяжелого, ненужного спора о литературе, сидел возле окна, грустно подперся, а было уж поздно, в который раз пришла смиренная белая ночь и вливалась в меня, как яд, звала еще дальше, и хоть я и зол был, но зато хорошо, весело становилось от мысли, что завтра нам нужно устраиваться на зверобойной шхуне, чтобы идти потом к Новой Земле и еще дальше, куда-то в Карское море.

И я все глядел из окна вдаль, поверх крыш, на светлый горизонт с легкими розовыми облаками. На Двине, там и сям проблескивающей между крышами, черно стояли на рейде громадные лесовозы, слабо мигали своими топовыми огнями, иногда сипел пар, глухо бормотали работающие винты, тявкали, как собаки, высокие сирены буксиров, и мощно и грустно гудели прощальные гудки.

Внизу шуршали редкие уже автомашины, погромыхивали еще реже трамваи. Внизу шумел, гудел в этот час ресторан, наяривал, пиликал и колотил оркестрик (тогда там играли по вечерам какие-то пенсионы), и мне хорошо он был слышен, хоть и выходили во двор ресторанные окна. Внизу несменяемый, вечный дядя Вася не пускал в ресторан разных прохиндеев, алчущих шикарной жизни, а в ресторане сидел в этот час счастливый мой друг-приятель с румынскими цыганками, говорил с ними по-испански и по-эскимосски, а я был один, все вспоминал, как мы только что спорили внизу о литературе с местным знатоком, и думал о мужестве писателя.

Писатель должен быть мужествен, думал я, потому что жизнь его тяжела. Когда он один на один с чистым белым листом бумаги, против него решительно все. Против него миллионы написанных ранее книг — просто страшно подумать! — и мысли о том, зачем же еще писать, когда про все это уже было. Против него головная боль и неуверенность в себе в разные дни, и разные люди, которые в эту минуту звонят к нему или приходят, и всякие заботы, хлопоты, дела, как будто важные, хотя нет для него в этот час дела важнее того, которое ему предстоит. Против него солнце, когда тянет выйти из дому, вообще поехать куда-нибудь, что-то такое повидать, испытать какое-то счастье. И дождь против него, когда на душе тяжело, пасмурно и не хочется работать.

Везде вокруг него живет, шевелится, кружится, идет куда-то весь мир. И он, уже с рождения, захвачен этим миром в плен и должен жить вместе со всеми, тогда как ему надо быть в эту минуту одному. Потому, что в эту минуту возле него не должно быть никого — ни любимой, ни матери, ни жены, ни детей, а должны быть с ним одни его герои, одно его слово, одна страсть, которой он себя посвятил.

Когда писатель сел за чистый белый лист бумаги, против него сразу ополчается так много, так невыносимо много, так все зовет его, напоминает ему о себе, а он должен жить в какой-то своей, выдуманной им жизни. Какие-то люди, которых никто никогда не видел, но они все равно как будто живы, и он должен думать о них, как о своих близких. И он сидит, смотрит куда-нибудь за окно или на стену, ничего не видит, а видит только бесконечный ряд дней и страниц позади и впереди, свои неудачи и отступления, — те, которые были и которые будут, — и ему плохо и горько. А помочь ему никто не может, потому что он один.

В том-то вся и штука, что ему никто никогда не поможет, не возьмет ручку или машинку, не напишет за него, не покажет, как надо писать. Это он должен сам. И если он сам не может, значит, все пропало — он не писатель. Никому нет дела до того, болен ты или здоров, за свое ли ты дело взялся, есть ли у тебя терпение, — это наивысшее мужество. Если ты написал плохо, тебя не спасут ни звания, ни награды, ни прошлые успехи. Звания иногда помогут тебе опубликовать свою плохую вещь, друзья твои поторопятся расхвалить ее, и деньги ты за нее получишь, но все равно ты не писатель...

Нужно держаться, нужно быть мужественным, чтобы начать все сначала. Нужно быть мужественным, чтобы терпеть и ждать, если талант твой вдруг уйдет от тебя и ты почувствуешь отвращение при одной мысли сесть за стол. Талант иногда уходит надолго, но он всегда возвращается, если ты мужествен.

Настоящий писатель работает по десять часов в день. Часто у него застопоривает, и тогда проходит день, и еще день, и еще много дней, а он не может бросить, не может писать дальше и в бешенстве, почти со слезами чувствует, как проходят дни, которых у него так мало, и проходят впустую.

Наконец он ставит точку. Теперь он пуст, настолько пуст, что уже не напишет больше никогда ни слова, как ему кажется. Ну что ж, может сказать он, зато я сделал свою работу, вот она лежит у меня на столе, пачка исписанной бумаги. И ничего такого до меня не было. Пусть до меня писали Толстой и Чехов, но это написал я. Это другое. И пусть у меня хуже, но все-таки и у меня здорово, и ничего еще неизвестно, хуже там или не хуже. Пусть попробует кто-нибудь, как я!

Когда работа сделана, писатель может так подумать. Он поставил точку и, значит, победил самого себя, такой короткий радостный день! Тем более, что скоро ему начинать новую вещь, а теперь ему нужна радость. Она ведь так моротка.

Потому что он вдруг видит, что, скажем, весна прошла, что пронеслось над ним огромное время с того момента, когда в начале апреля, ночью, на западе собрались черные тучи, и из этой черноты неутомимо, ровно и мощно задул теплый ветер, и снег стал ноздреть. Прошел ледоход, прошла тяга, отгремели ручьи, отдымила первая зелень, и колос налился и пожелтел — целый век прошел, а он прозевал, не видал ничего этого. Сколько случилось в мире за это время, сколько событий со всеми людьми, а он только работал, только клал перед собой все новые белые листы бумаги, только и видел свету, что в своих героях. Этого времени ему никто не вернет, оно прошло для него навсегда.

Потом писатель отдает свою вещь в журнал. Возьмем лучший случай, предположим, что вещь его берут сразу, с радостью. Писателю звонят или посылают телеграмму. Поздравляют его. Хвастают его вещью перед другими журналами. Писатель едет в редакцию, входит туда свободно, шумно. Все рады его видеть, и он рад, такие все милые люди. «Дорогой! — говорят ему. — Даем! Даем! Ставим в двенадцатый номер!» А двенадцатый номер — это декабрь. Зима. А теперь лето...

И все бодро смотрят на писателя, улыбаются, жмут ему руку, хлопают по плечу. Все как-то уверены, что у писателя пятьсот лет жизни впереди. И что полгода ждать для него, как шесть дней.

Для писателя начинается странная, тягостная пора. Он торопит время. Скорей, скорей бы прошло лето. И осень, к черту осень! Декабрь — вот что ему нужно. Писатель изнемогает в ожидании декабря.

А уж он опять работает, и опять у него то получается, то нет, год прошел, колесо повернулось в который раз, и опять дохнет апрель, и в дело вступила критика — расплата за старую вещь.

Писатели читают критику на себя. Это неверно, будто бы некоторые писатели не интересуются тем, что о них пишут. И вот когда им нужно все их мужество. Чтобы не обижаться на разносы, на несправедливость. Чтобы не озлобиться. Чтобы не бросать работы, когда очень уж ругают. И чтобы не верить похвалам, если хвалят. Похвала страшна, она приучает писателя думать о себе лучше, чем он есть на самом деле. Тогда он начинает учить других, вместо того чтобы учиться самому. Как бы хорошо он ни написал свою очередную вещь, он может еще лучше, надо только быть мужественным и учиться.

Но не похвалы или разносы самое страшное. Самое страшное — когда о тебе молчат. Когда у тебя выходят книги и ты знаешь, что это настоящие книги, но о них не вспоминают, — вот когда надо быть сильным!

Литературная правда всегда идет от правды жизни, и к собственно писательскому мужеству советский писатель должен прибавить еще мужество летчиков, моряков, рабочих — тех людей, кто в поте лица меняет жизнь на земле, тех, о ком он пишет. Ведь он пишет, по возможности, о самых разнообразных людях, обо всех людях, и он должен их всех повидать сам и пожить с ними. На какое-то время он должен стать, как они, геологом, лесорубом, рабочим, охотником, трактористом. И писатель сидит в кубрике сейнера вместе с моряками, или идет с партией через тайгу, или летает с летчиками полярной авиации, или проводит суда Великим Северным путем.

Советский писатель должен помнить еще, что зло существует на земле, что физическое истребление, лишение элементарных свобод, насилие, унижение, голод, фанатизм и тупость, войны и фашизм существуют. Он должен по мере своих сил протестовать против всего этого, и его голос, возвышенный против лжи, фарисейства и преступлений, есть мужество особого рода.

Писатель, наконец, должен стать солдатом, если понадобится, мужества его должно хватить и на это, чтобы потом, если он останется в живых, опять сесть за стол и опять оказаться один на один с чистым листом бумаги.

Мужество писателя должно быть первого сорта. Оно должно быть с ним постоянно, потому что то, что он делает, он делает не день, не два, а всю жизнь. И он знает, что каждый раз начнется все сначала и будет еще трудней.

Если писателю не хватит мужества — он пропал. Он пропал, даже если у него есть талант. Он станет завистником, он начнет поносить своих собратьев. Холодея от злости, он будет думать о том, что его не упомянули там-то и там-то, что ему не дали премию, а дали карьеристу, бездари... И тогда он уже никогда не узнает настоящего писательского счастья. А счастье у писателя есть.

Есть все-таки в его работе минуты, когда все идет и то, что вчера не получалось, сегодня получается безо всяких усилий. Когда машинка трещит, как пулемет, а чистые листы закладываются один за другим, как обоймы. Когда работа легка и безоглядна, когда писатель чувствует себя мощным и честным.

Когда он вдруг вспоминает, написав особенно сильную страницу, что сначала было слово и слово было бог! Это бывает редко даже у гениев, но это бывает всегда только у мужественных, награда за все труды и дни, за неудовлетворенность, за отчаянье — эта внезапная божественность слова. И, написав эту страницу, писатель знает, что потом это останется. Другое не останется, а эта страница останется.

Когда он понимает, что надо писать правду, что только в правде его спасение. Только не надо думать, что твою правду примут сразу и безоговорочно. Но ты все равно должен писать, думая о бесчисленных неведомых тебе людях, для которых ты в конце концов пишешь. Ведь пишешь ты не для редактора, не для критика, не для денег, хотя тебе, как и всем, нужны деньги, но не для них ты пишешь в конечном итоге. Деньги можно заработать, как угодно, и не обязательно писательством. А ты пишешь, помня о божественности слова и о правде. Ты пишешь и думаешь, что литература — это самосознание человечества, самовыражение человечества в твоем лице. Об этом ты должен помнить всегда и быть счастлив и горд тем, что на долю тебе выпала такая честь.

Когда ты вдруг взглянешь на часы и увидишь, что уже два или три, на всей земле ночь, и на огромных пространствах люди спят или любят друг друга и ничего не хотят знать, кроме своей любви, или убивают друг друга, и летят самолеты с бомбами, а еще где-нибудь танцуют, и дикторы всевозможных радиостанций используют электроэнергию для лжи, успокоения, тревог, веселья, для разочарований и надежд. А ты, такой слабый и одинокий в этот час, не спишь и думаешь о целом мире, ты мучительно хочешь, чтобы все люди на земле стали наконец счастливы и свободны, чтобы исчезли неравенство, войны, и расизм, и бедность, чтобы труд стал необходим всем, как необходим воздух.

Но самое главное счастье в том, что ты не один не спишь этой глубокой ночью. Вместе с тобой не спят другие писатели, твои братья по слову. И все вместе вы хотите одного — чтобы мир стал лучше, а человек человечнее.

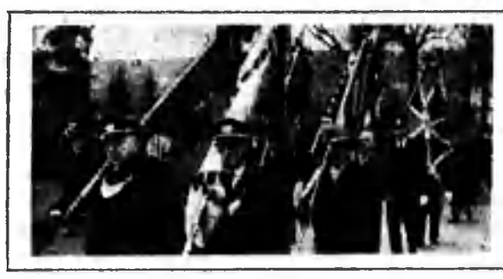
У тебя нет власти перестроить мир, как ты хочешь, как нет ее ни у кого в отдельности. Но у тебя есть твоя правда и твое слово. И ты должен быть трижды мужествен, чтобы, несмотря на все свои несчастья, неудачи и срывы, все-таки нести людям радость и говорить без конца, что жизнь станет лучше.

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНОЙ ПРЕССЫ

ПЕРИСКОП ЛГ

Разное настроение у этих двух американцев. А между тем снимки сделаны в одной и той же стране — Южном Вьетнаме и почти в одно и то же время. Просто слева сфотографирован американский солдат после очередного боя, а справа — советник президента Джонсона по социальному и экономическому развитию азиатских стран Юджин Блэк, осчастлививший своим визитом сайгонских марионеток.

Разное положение — разное настроение.



Доказательством роста реваншистских настроений в Западной Германии являются не только результаты последних выборов в ряде земель. На этом снимке изображена вполне легальная, проведенная с ведома властей в Западном Берлине, неонацистская демонстрация, посвященная «памяти солдат противовоздушной обороны».

Даже вторая мировая война не принесла Италии столько убытков, сколько случившееся в начале ноября наводнение. И, пожалуй, самые трагические и не восполнимые потери понесли храмы искусств. Население, особенно молодежь и студенты, делает все, чтобы хоть в какой-то мере восполнить этот урон.

Этот красочный маскарад был устроен недавно в Лондоне отнюдь не в честь новейших достижений моды — «мини-юбок». Он проводился в связи с избранием лорда-мэра города сэра Роберта Беллингера.

Польский шахтер Павел Вробел доказал, что добываемый им уголь может не только служить сугубо практическим целям, но и стать в умелых руках материалом для скульптуры.

Врачи Лос-Анжелоса заинтригованы совершенно небывалым в истории Медицины явлением: в голове миссис Мелвинны Тейлер уже год раздается непонятный звук, напоминающий тиканье карманных часов. И хотя звук этот столь явствен, что его можно услышать с расстояния более полуметра, диагноз заболевания (если это заболевание!) до сих пор не поставлен.

Так, по идее датского телевидения, должен был бы выглядеть парламент в день очередных выборов. К парламентским скамьям привязываются надувные шары в форме человеческих фигур. Если депутат проваливается на выборах, шар, изображающий его, протыкается иглой.

Тоже юмор. Так сказать, парламентский...

Это, пожалуй, самый необычный снимок во всей истории фотографии: сделан он с помощью специального аппарата, помещенного репортером одной из токийских газет Отсуи Хиросава в пасть живого гиппопотама. До этого, кажется, еще никто не додумывался.

Так приводнилась в Атлантическом океане капсула американского космического корабля «Джемини-XII». Водолазы прикрепляют к ней «плавучий воротник», и через мгновение с помощью вертолета она будет поднята на борт авианосца «Уосп».

На одной из автострад в Бельгии случилась необычная катастрофа: развалился огромный мост. Десять автомашин, мчавшихся по нему, были искорежены. Погибло два, ранено десять человек.

Не первый раз в Швейцарии проводится референдум по вопросу о предоставлении избирательных прав женщинам. По лицам господ, изображенных на снимке, нетрудно определить, как они проголосовали. Так или иначе, результаты референдума вновь оказались для женщин неутешительными.

ЛГ перископ

такой раздел мы намерены ввести в новой «Литературной газете», которая будет выходить с января 1967 года на 16 страницах. Ваше мнение, дорогие читатели?

портреты без грима

ХЬЮЗ II — БОГАТЕЙШИЙ ИЗ БОГАТЫХ

Георгий ЦАГОЛОВ

ИЗВЕСТНО, что богатейшим человеком древнего мира был царь Лидии Крез. Всех изумляли награбленные им сокровища, так что имя Креза стало нарицательным. Правда, в начале XX века у легендарного владыки появились конкуренты. В символы несметных богатств превратились теперь уже имена Моргана, Рокфеллера и других магнатов капитализма.

Но кто является самым богатым человеком наших дней?

До недавних пор этот титул оспаривали два американских нефтепромышленника: Гарольдсон Хант из Техаса и Жан Поль Гетти из Калифорнии. По новейшим данным, личное состояние другого американца, Говарда Хьюза, значительно превосходит богатства каждого из них и составляет полтора миллиарда долларов.

Компания «Хьюз Тул» лидирует на капиталистическом рынке нефтяного оборудования... «Хьюз эйркрафт» входит в число ведущих аэрокосмических и электронных фирм... Городская недвижимость, принадлежащая Хьюзу в Калифорнии и Аризоне, оценивается в 250 миллионов долларов... Несть числа его гигантским поместьям, фабрикам пищевой промышленности, машиностроительным заводам, урановым предприятиям... Когда в мае этого года Хьюз решил продать авиакомпанию «Транс уорлд эйрлайнз», известие об этом буквально потрясло деловые круги США: пакет акций стоил свыше полумиллиарда долларов, — в летописях Уолл-стрита лишь единожды была зафиксирована более крупная сделка. И эта «империя» ежедневно приносит Хьюзу около 200 тысяч долларов.

...Несколько лет назад Хьюз покинул свою официальную резиденцию в Техасе, и теперь мало кто знает, где он обитает. В обществе его почти не видят и поэтому часто называют «привидением». Досужие репортеры, однако, утверждают, что, несмотря на свои шестьдесят лет, современный «король золота» лихо водит старый «шевроле» и не менее лихо управляет новым вертолетом. При этом не курит, изредка пьет ром с содовой и обожает хорошо приготовленное филе. Что еще можно сказать о Хьюзе? Он носит бороду, и хотя несколько туговат на ухо, речь его медлительна, а голос негромок и писклив. «Если вы говорите с ним по телефону, — иронизирует американский журнал «Ньюсуик», — то кажется, что вы беседуете со своим прадедушкой».

Правда, не всегда Хьюз выглядел «прадедушкой». В погоне за «паблисити» он облетел в 1938 году на собственном самолете земной шар. Задавал кутежи в ночных клубах Лас-Вегаса. Не боялся яркого света, и когда финансировал Голливуд, и когда позировал в окружении киновезд.

Счастливая «звезда» Хьюза поднялась над горизонтом, когда ему не было и двадцати и когда он унаследовал от отца компанию с капиталом в 15 миллионов долларов. «Хьюз Тул» выпускала оборудование для стремительно растущей нефтяной промышленности и имела патент на изготовление буров для твердых грунтов. Впервые такой бур был изобретен Хьюзом-старшим.

Впрочем, своими успехами «Хьюз Тул» не в меньшей мере обязана изворотливости наследника. Единственным серьезным соперником «Хьюз Тул» являлась «Рид роллер бит компани», подконтрольная Уильяму Фаришу, близкому к Рокфеллерам. Упорная борьба между фирмами кончилась тем, что в критический момент Хьюз нанес своему противнику сокрушительный удар... женившись на сестре Фариша. В результате «Хьюз Тул» монополизировала рынок нефтяного оборудования и производит около 75 процентов буров, используемых в нефтяной промышленности капиталистического мира, ежегодно принося своему хозяину свыше 30 миллионов долларов чистой прибыли...

Собирая дань с нефтепромышленников, Хьюз тем временем высматривал другие каналы приумножения капиталов. Приобретение «Галф брюинга», крупнейшей пивоваренной компании Техаса, было лишь первым шагом. А главную свою ставку он сделал на кинематографический, авиационно-ракетный и — несколько позднее — электронный бизнес.

Хьюз - кинопромышленник. Это «Р.К.О. пикчерс инкорпорейтид» с ее пятью студиями в Голливуде и 124 кинематографами по всей стране. Это фильмы, по свидетельству журнала «Форчун», «до краев наполненные насилием и сексуальностью». «Девушки напрокат», «Сумасшедшая среда», «Постель», «Адские ангелы», «Грехи Иветты», «Дети Гитлера»... В фильме «Изгнанница» рассказывалось о приключениях бандита и женщины легкого поведения. Бывая на съемках, меценат из Техаса решил, что бюст актрисы, исполнявшей главную роль, должен произвести на зрителя потрясающий эффект, и собственноручно набросал новую модель сверхоблегченного бюстгальтера, после чего «Изгнанница» появилась на экранах, а Хьюза стали величать «фабрикантом кинозвезд».

Хьюз - авиапромышленник. В середине 30-х годов в окрестностях Лос-Анжелоса им была создана небольшая самолетостроительная фирма. В период второй мировой войны предприятия Хьюза приступили к созданию гигантской летающей лодки весом в 200 тонн. Оправдал себя и ремонт с последующей перепродажей по спекулятивным ценам военно-воздушному ведомству десятков сбитых во время войны самолетов. Разумеется, дело не обошлось без подкупа высших чинов.

После этого Хьюз привлек к руководству фирмой сразу двух генерал-лейтенантов: И. Икера и Г. Джорджа. Первый являлся до этого заместителем командующего военно-воздушными силами. Второй во время войны возглавлял штаб военно-транспортной авиации. Новые управляющие обеспечили «Хьюз эйркрафт» выгоднейшими правительственными заказами. Хьюз не остался в долгу и установил обоим высокие оклады, дав понять, что на расширение ракетно-электронного бизнеса он готов пустить миллионные активы других предприятий своей «империи».

Прибыли «Хьюз эйркрафт» резко подскочили за годы войны в Корее. А когда на службу к Хьюзу перешел бывший морской министр в правительстве Эйзенхауэра Чарльз Томас, военные заказы хлынули таким потоком, что «Хьюз эйркрафт», на заводах которой занято свыше 25 тысяч человек, стала работать исключительно на Пентагон.

Хьюз поставляет военному ведомству ракеты «Фалкон» класса «воздух-воздух», лазерно-радарные системы, оборудование для спутников-шпионов, узлы термоядерных реакторов, электронную аппаратуру для используемых во Вьетнаме боевых самолетов и ракет. «Хьюз эйркрафт» — одна из 12 крупнейших подрядных фирм Пентагона. Вкупе с фабрикантами смерти из стран Западной Европы Хьюз снабжает различными электронными установками и военный блок НАТО.

В 40-х годах Хьюз приобрел контрольный пакет акций второй по размерам в стране авиапассажирской компании «Транс уорлд эйрлайнз», и кто бы мог предвидеть, какая ожесточенная баталия вспыхнет позднее между техасским миллиардером и финансистами Уолл-стрита! Но, впрочем, это уж и не такое чтобы очень редкое явление в том мире, где голый чистоган определяет все взаимоотношения внутри класса капиталистов. В сущности, все они братья-враги, и буквально каждый день и час между ними идет борьба не на жизнь, а на смерть. В ней все средства хороши и допустимы: и шантаж, и взаимная слежка, и удары ниже пояса, и подножки конкуренту. В 1956 году Хьюз заказал для «Транс уорлд эйрлайнз» 57 реактивных самолетов на сумму в 500 миллионов долларов и обязался возвратить деньги не позднее 1960 года. Нью-йоркские банкиры, к которым он обратился за займом, ставили условия одно тяжелее другого, не теряя надежды взять Хьюза за горло. А курс акций «ТУЭ» тем временем все лез и лез в гору. И в подходящий момент Хьюз показал зубы: в мае этого года он вдруг продал свои акции «Транс уорлд эйрлайнз». Некогда они обошлись ему в 90 миллионов долларов. Теперь он выручил за них уже 560, которые собирается вложить в производство вертолетов. «В производстве вертолетов мы вскоре станем тем, чем стала «Дженерал моторс» в автомобилестроении», — заявил Хьюз недавно.

Рисунок Н. Лисогорского

...В северо-западной части Мексики, укрытый живописным ожерельем хребтов Сьерра Мадре, за длинным каменным забором прячется роскошный особняк. Местные жители утверждают, будто владеет им какой-то богач из Соединенных Штатов, с виду степенный брюнет, с бородкой, частенько появляющийся в сопровождении блестящих дам...

Властелин древней Лидии в последние годы жизни также предпочитал держаться в тени. Но это не помогло Крезу. Царство его было завоевано Киром, царем персидским. Кто знает, может быть, раньше или позже миллиардеры Уолл-стрита «съедят» Хьюза, и его участь напомнит конец Креза.

ПОСЛЕДНИЕ ПИСЬМА СТЕФАНА ЦВЕЙГА

С. Цвейг. Гравюра Ф. Мазерейля

ВЕЧЕРОМ 23 февраля 1942 года садовник, обеспокоенный тем, что не видел в течение дня Стефана Цвейга и его жену Лотту, взломал дверь в маленьком домике, который они занимали в Петрополисе, в окрестностях Рио-де-Жанейро. Он нашел их обоих мертвыми, в постелях. Они отравились...

Теперь, как пишет еженедельник «Нувель литтерер», обнаружен ряд документов, рассказывающих о трагической эволюции, приведшей Цвейгов к самоубийству. Это, во-первых, письма Цвейга, написанные незадолго до гибели его первой жене Фредерике, с которой он поддерживал дружеские отношения. Другие письма адресованы Абрао Когану, бразильскому издателю Цвейга.

Последние письма С. Цвейга раскрывают глубокий душевный кризис, который писатель переживал в последние годы, с тех пор как стал эмигрантом, изгнанником. В этих документах — боль художника за судьбы Европы, оказавшейся перед катастрофой, ненависть к нацизму, отчаяние, усталость. И прежде всего — безмерная скорбь человека, вынужденного жить вдали от родной страны.

Вот письмо Фредерике, написанное в Соединенных Штатах, куда Цвейг переехал в июле 1940 года, покинув Англию, где он нашел прибежище после того, как Гитлер захватил Австрию.

Нью Хейвен,
3 марта 1941 года.
Дорогая Фритци,

Я не могу много писать — на улице собачий холод, а в комнатах слишком натоплено, и все это после тропиков. У меня множество важных дел, но придется их отложить. Здесь меня утешает библиотека. У меня очень мрачное настроение. Хорошо, что тут не видно блаженных оптимистов. Я очень ясно представляю себе, что принесут Европе следующие недели. Это будет самый ужасный год истории. И тот, кто не обладает, как большинство, счастливой способностью не чувствовать то, что не затрагивает его лично, тот страдает ужасно. Я не знаю, что будет, и живу в страшной тревоге...

Во всех его письмах проглядывает отчаяние: «Все слишком страшно, чтобы говорить об этом...»

В 1940 году Цвейг побывал в Бразилии, оставившей у него хорошие воспоминания. Жизнь в Соединенных Штатах тяготила его, и 1 августа 1941 года он написал Когану:

Я устал от большого города и хочу вернуться в Бразилию. Я забронировал каюту на «Уругвае», который отходит 15 августа. Но не говорите никому об этом, потому что в такую эпоху, как наша, никогда нельзя знать, не возникнут ли в последнюю минуту еще какие-нибудь препятствия... Я был бы счастлив, если бы мне удалось снять в Петрополисе маленький домик, вроде того, что вы описывали. Я почти закончил свою автобиографию и книгу об Америго Веспуччи. Я очень устал, и мы мечтаем отдохнуть в Рио и Петрополисе. Ни о чем пока никому не говорите...

То впечатление «загнанности», которое оставляет это письмо, в какой-то мере исчезает в следующем:

Я думаю, что все в порядке, и мы прибудем на «Уругвае» 27 августа... Мы сначала думали о квартире в Рио, но одна мысль о новом переезде в декабре уже вызывает отвращение. Больше года мы живем в гостиницах, и можете себе представить, как мы мечтаем остаться «у себя». Я хочу научиться говорить по-португальски. Поскольку я без труда читаю, это будет не слишком сложно...

Первые письма, написанные Фредерике из Бразилии, говорят о приливе бодрости:

Рио, 14 сентября 1941 года.

Мое душевное состояние значительно улучшилось, потому что пейзаж здесь невыразимо прекрасен, люди учтивы, Европа и война далеки. ...С хорошей библиотекой здесь было бы совсем неплохо. Новости из Франции и других мест напоминают нам о том, что спокойно спать и есть — это удивительное завоевание: нужно согласиться стать нулем, забыть о том, кем ты был, чего хотел, смириться...

Петрополис,
17 сентября 1941 года.

...Новости из Европы ужасны. Это будет зима небывалого страха, какого мир еще никогда не знал. В этом месяце я хочу выправить и закончить автобиографию и предполагаю также написать маленькую новеллу. Мне бы только немного спокойствия, а в работе недостатка не будет. Во всяком случае я поздравляю себя с тем, что покинул Соединенные Штаты. Здесь люди гораздо ближе к природе и к самим себе. Не слышно разговоров о политике, и даже если это эгоистично, в этом сказывается простой и ясный инстинкт самосохранения, как в физическом, так и нравственном плане. Мы не можем всю жизнь расплачиваться за безумия политики, которая никогда нам ничего не давала, а, напротив, только и делало, что отнимала, и я готов довольствоваться самым скромным местом... лишь бы иметь возможность спокойно работать...

Но пессимизм очень быстро берет верх:

Петрополис,
27 октября 1941 года.

...Ужас, который у меня вызывают нынешние события, возрастает до бесконечности. Мы только на пороге войны, которая по-настоящему начнется с вмешательством последних нейтральных держав, а затем наступят хаотические послевоенные годы. Я совершенно не в силах заниматься чем бы то ни было... К тому же еще эта мысль, что никогда уже не будет ни дома, ни угла, ни издателя, что не смогу больше помогать своим друзьям, — никому! Потому что все это связано... До сих пор я всегда говорил себе: продержаться всю войну, потом снова начать. Но прежде чем она кончится и я смогу заново где-нибудь обосноваться, пройдут, по меньшей мере, два, три, четыре года — невозместимые. С другой стороны — и до материальной обеспеченности далеко: эта война уничтожает все, что создано предшествующим поколением...

Петрополис,
20 января 1942 года.

...Мы должны быть готовы к тому, что война будет долгой и изнуряющей. Я все больше и больше уверен, что никогда уже не увижу вновь своего дома и что везде буду временным постояльцем! Блаженны те, кто может начать где-нибудь новую жизнь. Я получил прекрасное письмо от Роже Мартен дю Гара, лучшее из всех, какие я читал за многие годы, в котором выражено все то, что я сам испытываю, сознавая, что все мы, в нашем возрасте — только зрители этого спектакля или, точнее, этой великой трагедии. Нам остается лишь уйти, тихо и достойно.

Уже близились последние часы его жизни, когда он написал Фредерике следующее письмо:

Петрополис,
22 февраля 1942 года.
Дорогая Фредерика,

Когда ты получишь это письмо, мне уже будет лучше. Ты видела меня в Оссиннинге и знаешь, что после периода спокойствия моя депрессия стала более острой. Я так страдал, что не мог больше сосредоточиться. И потом эта уверенность, что война продлится годы, прежде чем мы сможем вернуться к себе домой, эта уверенность действовала на меня совершенно удручающе. Петрополис мне очень нравился, но у меня не было нужных книг, и одиночество, которое поначалу успокаивало, стало тяготить. Думать о том, что я никогда не смогу закончить свое центральное произведение, «Бальзака», если у меня не будет двух лет покоя, да и все другие книги, было очень тяжело, и потом эта война, которая еще не достигла своего кульминационного пункта. Я был слишком усталым для всего этого. У тебя есть дети и, следовательно, долг перед ними. У тебя широкие интересы и еще много сил. Я уверен, что ты увидишь лучшие времена и что ты поймешь, почему я, с моей ипохондрией, не мог дольше ждать, и одобришь меня.

Я посылаю тебе эти строки в последние часы. Ты не можешь себе представить, как мне радостно с тех пор, как я принял свое решение. Горячие приветы твоим детям, и не жалей меня...

Стефан.

Шлю тебе самые добрые пожелания. Будь мужественной. Ты знаешь, что я спокоен и счастлив.

Цвейг принял свое решение за несколько дней до того, как послал это письмо своей первой жене, о чем свидетельствует письмо к Когану:

Петрополис, 34, Руа Гонсальвес Диас, 18-2-1942.
Мой дорогой друг.

Прежде всего хочу поблагодарить вас за ту доброту, которую вы проявляли ко мне в течение всей моей жизни, и попросить у вас прощения за все огорчения и неприятности, которые я причиняю вам своей смертью. Вы знаете, какую усталость от жизни испытывал я с тех пор, как потерял свою родину, Австрию, и не мог обрести истинную жизнь в работе, живя кочевником и чувствуя, что старею — больше от внутренних страданий, чем от возраста. (Цвейгу был 61 год.)

Я оставил д-ру Маламуду копию своего завещания, хранящегося в Нью-Йорке, и хочу вам дать еще несколько личных указаний. Я хотел бы быть похороненным на кладбище в Рио-де-Жанейро самым скромным и незаметным образом... (Бразилия устроила ему пышные национальные похороны.)

...Не жалейте меня, моя жизнь уже давно уничтожена, и я счастлив, что смогу уйти из мира, ставшего жестоким и безумным. Сохраните обо мне доброе воспоминание: я всегда был вам признателен и гордился вашей верной и преданной дружбой.

Стефан Цвейг

23 февраля рядом с безжизненными телами Стефана Цвейга и его жены была найдена записка:

Не трогать!

Все эти рукописи (большей частью незаконченные) должны быть вручены Абрао Когану, которого я просил сохранить их и дать на просмотр Виктору Витовскому.

Стефан Цвейг

Одна из последних фотографий С. Цвейга.

Выступления Е. Евтушенко в США

Многие американские газеты в эти дни пишут о выступлениях советского поэта Евгения Евтушенко в Соединенных Штатах Америки. «Уорлд», «Нью-Йорк таймс», «Нью-Йорк пост», «Уорлд джорнал трибюн», «Тайм», «Лайф» и другие американские газеты и журналы сообщают об успехе поэтических чтений гостя из СССР.

Поэтический центр Нью-Йорка, в котором дважды читал стихи Евгений Евтушенко, является одним из самых популярных здесь поэтических форумов.

Советского гостя представляли американской аудитории американские прозаики и поэты Артур Миллер, Роберт Лоуэлл, Джон Апдайк. На первом выступлении присутствовал Джон Стейнбек.

В конце каждого поэтического вечера гость из СССР отвечает на вопросы. Надо сказать, что аудитория — особенно студенческая — обычно неодобрительно реагирует на вопросы провокационного характера и горячо приветствует нелицеприятные и меткие ответы советского поэта, особенно та, которые касаются грязной войны США во Вьетнаме.

В таких беседах со слушателями, на встречах с американскими журналистами Евтушенко неоднократно высказывал свою позицию в отношении американской агрессии во Вьетнаме, которую он поэтически выразил в своем открытом письме Джону Стейнбеку.

Советскому поэту предстоят выступления в Питтсбурге, в Вашингтоне, Сан-Франциско, Чикаго, поездки на Аляску, в штаты Алабама и Техас.

Генрих БОРОВИК,
соб. корр. АПН

НЬЮ-ЙОРК. (По телефону)

«Литературная газета» выходит по вторникам, четвергам и субботам

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, отделы: русской литературы — В 8-99-33, искусств — В 1-11-69, литератур народов СССР — В 8-59-17, внутренней жизни — К 4-06-06, иностранный — К 4-03-48, информации — К 4-08-69, писем — В 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 3-00-00.

ИНДЕКС 50057. Типография «Литературной газеты». Москва И-51, Цветной бульвар, 30. Зак. 01057.

Главный редактор А. ЧАКОВСКИЙ.
Редакционная коллегия: Б. ГАЛАНОВ, Б. ГАЛИН, В. ГОРБУНОВ, Г. ГУЛИА, Ю. КОМАРОВ, А. МАКАРОВ, Г. МАРКОВ, В. МЕДВЕДЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, О. ПРУДКОВ, А. СМИРНОВ-ЧЕРКЕЗОВ, Ю. СУРОВЦЕВ (зам. главного редактора), В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора).